

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1001393227

Л

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ

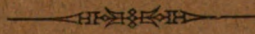
ПО ИЗУЧЕНИЮ

НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

(до нач. изд. „Полн. Собр. Рус. Лѣт.“).

Первыя мнѣнія Татищева и Миллера.—„Nestor“ Шлецера.—„Ист. Гос. Рос.“
Карамзина.—Строевъ и Розенкмпфъ.—Скептическая школа: Каченовскій и его
послѣдователи.—Возраженія противъ нея: „Nestor“ Погодина и „Оборона Рус.
Лѣтописи“ Буткова.

А. С. Архангельскаго.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1886.

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ

ПО ИЗУЧЕНИЮ

НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

(до нач. изд. „Полн. Собр. Рус. Лѣт.“).

Первыя изданія Татищева и Миллера. — „Nestor“ Шлецера. — „Ист. Гос. Рос.“ Карамзина. — Остроумъ и Розенкампфъ. — Скептическая школа: Каченовскій и его послѣдователи. — Возраженія противъ нея: „Несторъ“ Погодина и „Оборона Рус. Лѣтописи“ Вуткова.

А. С. Архангельскаго.

—*—

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1886.

891.7
Ал48

38-36278

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Универси-
тета за 1886 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НИКОЛАЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ
ВИРСОВУ.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

І. Татищевъ (1686 — 1750).

Первое слово въ нашей научной литературѣ о древнѣйшей русской лѣтописи, о Несторѣ и его продолжателяхъ, принадлежитъ Татищеву. Въ своей *Исторіи Россійской*, напечатанной много лѣтъ спустя по смерти автора (¹), онъ впервые касается этого вопроса, посвятивъ ему три главы въ I томѣ (V, VI и VII).

V-ю главу Татищевъ начинаетъ съ біографическихъ свѣдѣній. Основываясь на извѣстныхъ словахъ лѣтописателя („къ нему же и азъ придохъ“... и пр.) и сравнивая это мѣсто съ свидѣтельствомъ печатнаго Патерика (изд. 1661 г.),

(¹) *Исторія Россійская* съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ тайн. советн. и астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ, напеч. въ 1768—1784 гг.: первая часть первой книги—въ Москвѣ, 1768 г., другая тамъ же, въ 1769 г., вторая книга—М., 1773 г., третья—М., 1774 г.; четвертая—въ С.-Петербургѣ, 1784 г.; пятая, найденная Погодинымъ, напеч. въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.*, годъ III, 1847—1848. Подлинникъ всего труда Татищева вскорѣ послѣ его смерти сгорѣлъ, и изданіе было сдѣлано по списку, наполненному несправностями; четвертую книгу Миллеръ не согласился даже издавать, такъ какъ нашелъ ее болѣе другихъ искаженною, почему эта книга и была напечатана въ С.-Петербургѣ. По указанію Соловьева, въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ хранятся любопытныя записки Татищева о царствованіи Годунова, Лжедмитрія, царей Михаила и Алексѣя Михайловича. См. Соловьева, *Писатели русской исторіи XVIII вѣка*, въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, Калачова, кн. II, пол. I, М. 1855, отд. III, стр. 38.

гдѣ въ житіи Нестора ⁽²⁾ все сказанное въ лѣтописи отъ перваго лица отнесено прямо къ Нестору,—Татищевъ вступленіе нашего лѣтописца въ монастырь относитъ къ 1073 году, а его рожденіе къ 1056 ⁽³⁾.

Лѣтопись Нестора, по мнѣнію Татищева, оканчивается на 1093 годѣ; въ подтвержденіе, онъ указываетъ на то, что здѣсь въ нѣкоторыхъ спискахъ на концѣ помѣщено увѣщаніе, оканчивающееся словомъ „аминь“ ⁽⁴⁾; подобнымъ же увѣщаніемъ кончается и 1116 годъ, гдѣ однако же говоритъ уже другое лицо—Сильвестръ; слѣд., заключаетъ Татищевъ, все отъ 1094 до 1116 г. принадлежитъ уже не Нестору, а его продолжателю, Сильвестру. Предвидя возраженіе, почему такъ рано кончилъ свое лѣтописаніе Несторъ (въ 1093 г. ему было только 37 л.), Татищевъ отвѣчаетъ, что это могло зависить отъ разныхъ причинъ, напр. отъ болѣзни; а, можетъ быть, прибавляетъ онъ, „настоящихъ временъ и писать опасались, ибо изъ того писателямъ многократно бѣды приключаются“ ⁽⁵⁾. Впрочемъ, мнѣніе свое объ окончаніи Несторовой лѣтописи на 1093 годѣ Татищевъ высказываетъ лишь какъ предположеніе, не больше: „О концѣ лѣтописи Несторовой, пишетъ онъ, сказать точно не можно, для того, что Сильвестръ и другіе продолжатели по Несторѣ хотя въ надписаніи имя Несторова полагали, но своего начала отъ Несторова окончанія не отличали, — или послѣ списыватели отъ неразумности въ томъ погрѣша смѣшали. Однакожъ мнится, что оное — въ 1093 году“ ⁽⁶⁾... Нельзя не отмѣтить здѣсь чрезвычайной научной осторожности Татищева. Но и написанное въ лѣтописяхъ до 1093 г.

⁽²⁾ На какомъ основаніи авторомъ этого житія Татищевъ считаетъ Нифонта, еп. новгород. († 1156), неизвестно.

⁽³⁾ Впрочемъ, біографическія свѣдѣнія о Несторѣ у Татищева спутаны: въ другомъ мѣстѣ «Исторія» время рожденія Нестора онъ относитъ къ 1040 году, даже 1039 (см. Ист. Рос., I, стр. 54, II, стр. 430; ср. I, стр. 52), и въ моментъ окончанія лѣтописи считаетъ Нестору то, 37 лѣтъ, то 54 года (Ист. Рос., II, стр. 444; I, стр. 52).

⁽⁴⁾ Этого «аминя» Карамзинъ не нашелъ въ лѣтописи, да его и нѣтъ въ существующихъ теперь спискахъ, но у Татищева было много другихъ списковъ, до насъ не дошедшихъ. Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., II, пр. 213. Погодинъ, Исслѣд. Зам. и Лекціи, I, 25.

⁽⁵⁾ Ист. Россійск., I, 54.

⁽⁶⁾ Ист. Росс., I, 55.

не все сполна принадлежит Нестору: „видно, что нѣкоторые неразсудные дерзнули и въ средину его лѣтописи нѣчто внести, а иное разтерали“ ('). Онъ приводитъ свидѣтельство еп. Симона, сохранившееся въ Патерикѣ, о искаженіи лѣтописи Нестора позднѣйшими переписчиками. Самъ Татищевъ въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи нѣсколько разъ указываетъ на мѣста, которыя, по его мнѣнію, или искажены или вставлены переписчиками ('). Такимъ испорченнымъ мѣстомъ Татищевъ считаетъ между прочимъ мѣсто о посольствахъ для испытанія вѣры, а въ особенности приведенныя въ лѣтописи сомнѣнія относительно мѣста крещенія Владимира: самому Нестору все это должно было быть въ точности извѣстно, такъ какъ въ его время еще могли быть въ живыхъ нѣкоторые современники владимирова крещенія, и обо всемъ этомъ самъ Несторъ сказалъ, вѣроятно, точно и опредѣленно, и только послѣ, „утрата истинное“, стали сомнѣваться („сіе можетъ быть отъ Нестора прямо и точно положено было, да послѣ, утрата истинное—по сказанію кто либо внесъ“)... Есть и пропуски: „во многихъ спискахъ нужныя и достовѣрныя обстоятельства пропущены, яко *Договоры съ греки*, въ четырехъ древнѣйшихъ и въ никоновскомъ точно положены, а въ прочихъ нѣтъ. *Законъ данный отъ Ярослава* (Русская Правда) въ одномъ токмо (спискѣ) попа Іоанна положенъ, а въ прочихъ всѣхъ кратко“... Мимоходомъ замѣтимъ, что относительно Договоровъ съ греками Татищевъ высказываетъ догадку, оправдавшуюся позднѣйшими изысканіями: онъ дѣлаетъ предположеніе, что Договоры были извѣстны Нестору въ славянскомъ переводѣ, въ частности болгарскомъ; къ одному мѣсту въ Договорахъ онъ дѣлаетъ примѣчаніе: „Какъ прежде, такъ и сіи Договоры отъ словъ видимы, что съ греческихъ переложены, а русскіе тогда писанные во время Несторова можетъ въ архивѣ хранились“ (')... Но больше

(⁷) *Ист. Рос.*, I, 55.

(*) Н. Поповъ, Татищевъ и его время, стр. 452. Впрочемъ, помимо какихъ либо примѣховъ «искаженій», или вставокъ, — всю древнюю летопись, во всей ея цѣлости, Татищевъ считаетъ неразрывно принадлежащею Нестору: «вопросъ о томъ, действительно ли всѣ разбираемыя имъ извѣстiя принадлежать Нестору, — для него не существовалъ совсѣмъ». Мысль о летописяхъ, какъ о сводахъ — высказана была много позже.

(⁹) *Ист. Рос.*, II, стр. 395.

всего потерпѣли древнія лѣтописи отъ патр. Никона, который „ово превратилъ, ово извергъ или странно предложилъ“ (¹⁰). Вообще, замѣчаетъ Татищевъ—„всѣ манускрипты, колико я въ рукахъ моихъ имѣлъ, хотя Несторово начало имѣютъ, но въ продолженіи ни одинъ съ другимъ точно не сходенъ, въ одномъ то, въ другомъ другое прибавлено или сокращено“... (¹¹).

Вопросъ объ источникахъ лѣтописи Нестора непосредственно примыкаетъ въ вопросу о началѣ письменности у русскихъ славянъ вообще. Любопытны мнѣнія Татищева относительно этого. „Многіе иноземцы — говоритъ онъ—отъ невѣдѣнія пишутъ, яко бы славяне поздно и не всѣ, но одинъ по другому писъмо получали, и яко бы руссы до пятаго на десять ста по Христѣ никакихъ исторій не писали... Сказуютъ, яко бы въ Руси до Владимира никакого письма не имѣли, слѣд. древнихъ дѣлъ писати не могли,—довода (доказывая) тѣмъ, что Несторъ болѣе 150 лѣтъ по Владимирѣ писалъ, но никоего прежняго писателя исторій не воспоминаетъ. Обаче сіе мнѣніе, мнитсѣ, отъ такихъ произошло, которые не токмо другихъ древнихъ славянскихъ и русскихъ исторій въ Руси, но ниже оную Несторову когда видѣли, или читая понять и разсудить могли... Подлинно же славяне задолго до Христа и славянорусы собственно до Владимира письмо имѣли, въ чемъ намъ многіе древніе писатели свидѣтельствуютъ“... Въ доказательство второго положенія, Татищевъ особенно указываетъ на „Законъ или уложеніе древнее русское“ (Русскую Правду), которое „довольно древность письма въ Руссіи удостовѣриваетъ“...,—ибо въ упомянутомъ Законѣ „реченія и обстоятельства влючены, которыхъ задолго до Владимира и нигдѣ у славянъ въ употребленіи уже не было, но были въ самой древности. Ярославъ же вымышлять причины не было“... Какъ бы то ни было,—„руссославяне тѣмъ или другимъ случаемъ письмо имѣли прежде сочиненнаго Кирилломъ“...

Если же имѣли письмо,—то „несомнѣнно, продолжаетъ Татищевъ, и о имѣніи исторіи (лѣтописныхъ записокъ) вѣрить можемъ“. Гораздо раньше Нестора и Іоакима сла-

(¹⁰) *Ист. Рос.*, I, стр. 55.

(¹¹) *Ист. Рос.*, I, стр. 55.

ване „имѣли древнія исторіи письменныя, да оныя давно уже утрачены и до насъ не дошли“; кромѣ того, той же цѣли — „изустныя преданія служить могли, какъ Іоакимъ воспоминаеть“... „Несторъ, продолжаетъ Татищевъ, пиша о прешедшихъ задолго прежде его бывшихъ приключеніяхъ, хотя въ свидѣтельство писателей не показываетъ, можетъ не мня, чтобъ та единая его лѣтопись, что много древностей читаль, умолчалъ, или можетъ въ подлинной было показано, да черезъ много сотъ лѣтъ переписывая оное, за незнаніе выкинули; по обстоятельствамъ же видимо, что онъ не со словъ, но съ какихъ либо книгъ и писемъ изъ разныхъ мѣстъ собралъ и въ порядокъ положилъ, на прим. войны съ греки, Кія, Оскольда, Олега, Игоря, Святослава и пр., о которыхъ греки и римскіе тѣхъ временъ писатели утверждаютъ. *Договоры съ греками* до него были лѣтъ за 150: со словъ такъ порядочно написаны быть не могли, ибо всѣ ихъ включенія такъ безсомнѣнны, что за точные списки почесть можно; пришествіе же славянъ на Дунай, нашествіе на нихъ Волоховъ или Римлянъ, пришествіе Угровъ и Аваровъ въ Паннонію и пр., — что за много сотъ лѣтъ прежде Нестора дѣлалось, въ чемъ его сказаніе съ греческими, римскими и венгерскими историками согласуется, а въ иномъ у Нестора и обстоятельнѣе. И потому безсомнѣнно, прежде Нестора и задолго писатели были. Іоакимъ Новгородскій есть далеко старшій отъ Нестора, котораго исторія суще Нестору, и потомъ за неположеніе его имени осталась безызвѣстна... И тако достоверно видимъ, что прежде Іоакима и Нестора исторіописатели были и книги оставлены, да оныя погибли, или еще есть гдѣ хранятся, да намъ неизвѣстны“ (13)...

Итакъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ для Нестора были труды его предшественниковъ, болѣе древнихъ, жившихъ до него, русскихъ лѣтописцевъ. Уже до Нестора существовали какія то записки, — которыми онъ пользуется. По поводу лѣтописнаго извѣстія о звѣздѣ, явившейся въ 911 году и имѣвшей форму куста, и указывая на хронологическое несогласіе въ этомъ случаѣ русской лѣтописи съ извѣстіями о явленіи той же звѣзды въ другихъ

(13) *Ист. Рос.*, I, стр. 1—7.

источникахъ, Татищевъ замѣчаетъ: „то было задолго до Нестора, и можетъ ему записка о томъ неисправна попалась, то не трудно шестью годами ошибиться“ ⁽¹³⁾...

Затѣмъ, существеннымъ источникомъ для Несторовой лѣтописи служили византійскіе и вообще греческіе писатели. Татищевъ считаетъ Нестора какъ бы ихъ ученикомъ въ дѣлѣ лѣтописанія. Такъ, по поводу географическихъ извѣстій, сообщаемыхъ древнею лѣтописью, Татищевъ замѣчаетъ: „Несторъ здѣсь описалъ народы прежде него и при немъ бывшіе, сколько ему о которомъ извѣстно было...; что же сущихъ мѣстъ онъ не всѣхъ показалъ, то не дивно, что... — ему, яко отъ грекъ учившемуся, у которыхъ уже всѣ науки угасли, меньше знать способно было“ ⁽¹⁴⁾... По поводу лѣтописнаго распредѣленія частей свѣта между потомками сыновей Ноя, Татищевъ замѣчаетъ: „сіе видно Несторъ взялъ отъ нѣкакого греческаго, но не весьма въ географіи искуснаго, писателя“ ⁽¹⁵⁾... Въ другомъ мѣстѣ, по поводу другаго лѣтописнаго извѣстія, Татищевъ замѣчаетъ: „Несторъ о томъ отъ греческихъ писателей былъ извѣстенъ“ ⁽¹⁶⁾...

Однимъ изъ источниковъ Несторовой лѣтописи были также народныя сказанія и преданія, внесенныя въ лѣтопись или самимъ Несторомъ или его продолжателями и списателями. По поводу лѣтописнаго разсказа о сватовствѣ кн. Ольги, Татищевъ замѣчаетъ: „мню, что о семъ сватаньѣ нѣкто, не разсмотря лѣтъ, выдумалъ, къ похвалѣ Ольги и послѣ Нестора внесъ, или самъ Несторъ повѣрилъ неразумному сказанію“ ⁽¹⁷⁾... „О Ассиріанахъ или Халдеяхъ и Вавилонянахъ, говоритъ Татищевъ въ примѣч. къ одному изъ первыхъ извѣстій лѣтописи,—нѣволико Нестору неправо сказано“ ⁽¹⁸⁾. По поводу лѣтописнаго

⁽¹³⁾ *Ист. Рос.*, стр. II, стр. 375—376.

⁽¹⁴⁾ Н. Поповъ, Татищевъ, стр. 453. *Ист. Рос.*, II, стр. 360. На греческаго языка книгъ, которыя Несторъ читалъ,—Татищевъ указываетъ и въ другомъ мѣстѣ: *Ист. Рос.*, II, стр. 72.

⁽¹⁵⁾ *Ист. Рос.*, II, стр. 349.

⁽¹⁶⁾ *Ист. Рос.*, II, стр. 358.

⁽¹⁷⁾ *Ист. Рос.*, II, стр. 391, прим. 132.

⁽¹⁸⁾ *Ист. Рос.*, II, стр. 359.

разказа объ амазонянахъ (мазовшанахъ) и ихъ обычаяхъ, Татищевъ замѣчаетъ: „И сей обычай Несторъ властно какъ бы отъ древнихъ сказаній о Амазонѣхъ внесъ“ ⁽¹⁹⁾...

Первымъ продолжателемъ лѣтописи послѣ Нестора Татищевъ считаетъ Сильвестра: „Съ 1093 года по окончаніи несторомъ порядокъ писанія нѣсколько перемѣненъ, и писатель обстоятельства иныя, нежели Несторъ, о себѣ сказуетъ, а потомъ во всѣхъ лѣтописяхъ, во окончаніи 1115 году, о себѣ объявилъ, — что Сильвестръ игуменъ Михайловскій былъ, въ 1116 году точно окончаніе положилъ, какъ въ лѣтописи собранной патр. Никономъ явилось“ (разумѣетъ, приписку Сильвестра: „игуменъ Сильвестръ написалъ книги си лѣтописецъ“ и пр.; приписка эта въ никоновскомъ спискѣ значительно распространена). Имя слѣдующаго за Сильвестромъ продолжателя лѣтописи неизвѣстно, но—„видимо, что былъ на Волыни или въ Кіевѣ, понеже часто восточную страну Днѣпра къ Чернигову за Кіевомъ и за Днѣпромъ имануетъ“ ⁽²⁰⁾; Татищевъ предполагаетъ, что это былъ Нифонтъ, бывшій одно время игуменомъ на Волыни († 1156). Второму продолжателю принадлежитъ написанное до 1157 года. Съ этого времени до 1202 года идетъ новое продолженіе,—съ 1203 же года характеръ разказа, порядокъ изложенія по различнымъ спискамъ дѣлается уже совершенно различнымъ. Писателями лѣтописи за это время Татищевъ считаетъ Симона сп. суздальскаго, умершаго въ 1226 г., и попа Іоанна въ Новгородѣ, который упоминаетъ о себѣ въ одномъ спискѣ подъ 1230 г. Впрочемъ, замѣчаетъ Татищевъ, около этого времени (въ первой половинѣ XIII-го в.) явилось уже много лѣтописцевъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и списки лѣтописей съ этого времени еще болѣе разнятся между собою.

Въ VII главѣ Татищевъ говоритъ „о спискахъ и манускриптахъ употребленныхъ въ сему собранію“,—дѣлаетъ обзоръ лѣтописныхъ списковъ, послужившихъ основаніемъ для его „Россійской Исторіи“. По особой научной важности этой главы, какъ для оцѣнки всего труда Татищева, такъ и въ частности въ вопросѣ о начальной лѣто-

⁽¹⁹⁾ *Ист. Рос.*, II, стр. 359.

⁽²⁰⁾ *Ист. Россійск.*, I, стр. 57.

писи, — приводилъ ее здѣсь почти сполна: „Лѣтописи или манускрипты, которые я къ собранію сея употреблялъ, пишетъ Татищевъ, имѣлъ я изъ разныхъ мѣстъ, изъ нихъ же нѣкоторые доднесъ—въ библіотекѣ Академической, другіе—отыскать можно, а иныхъ чаю уже достать ненадежно... Между оными первый получилъ я въ 1720 году изъ собственной е. и. в. библіотеки чрезъ гр. Брюсса отъ господина гофъ-интенданта Мошкова—писанный на большой глаженной бумагѣ, въ десть, съ лицами, древняго письма съ юсами, и продолженъ по 1239 годъ, однакожь окончаніе знатно потеряно; въ немъ до времени Георгія II весьма кратко писано, а потомъ пространнѣе и яснѣе. Надписаніе его: *Времяникъ Русскихъ днѣй, и како же Русская земля и князи начаша княжити...* Второй отъ раскольника въ Сибири, въ 1421 году, получилъ, который былъ весьма древняго письма, на пергаментѣ, и оный для древности нарѣчія и начертанія кромѣ того раскольника никто списать не могъ; токмо въ томъ неосторожность съ сожалѣніемъ воспоминаю, что онъ, списывая для меня, ради лучшаго выразумѣнія, нарѣчіе перемѣнилъ. Сія лѣтопись кончалася въ 1197 году. Въ немъ многихъ обстоятельствъ не находилось, которые въ другихъ написаны, и противу тому онъ содержалъ обстоятельства такіа, которые въ прочихъ ни въ одномъ не написаны, а наипаче разговоры и причины дѣлъ. Заглавіе же его: „*Повѣсть временныхъ днѣй Нестора черноризца Феодосіева печерскаго монастыря*“... Третій есть въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ, списанъ по повелѣнію е. и. в. Петра В. въ Кенигсбергѣ, въ библіотекѣ Радивильской, въ 1716 году. Надписаніе то же, токмо имя *Несторова* пропущено, и вмѣсто *днѣй*, написано *лѣта*; онъ продолжается по 1206 годъ, но конецъ его смѣшанъ, и видно какъ на концѣ, такъ и въ срединѣ растеряно, и нѣкоторые обстоятельства повторены, нарѣчіе же въ немъ передъ древнимъ гораздо перемѣнно, и съ первыми въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ разнствуетъ, и хотя онъ на многихъ мѣстахъ перваго и втораго не въ чемъ полнѣе, но много есть и въ семъ пропущено: и мню, не погрѣшилъ ли списыватель новый. Сего ради весьма бы нужно оный еще прилежно съ тѣмъ кенигсбергскимъ прочесть. Четвертый — изъ библіотеки Кн. Дм. Голицына, писанный бѣлорусскимъ

п и с ь м о м ъ; надписаніе имѣеть равно второму. Въ немъ многое находилось обстоятельнѣе, и дѣла свѣрьхъ тѣхъ написаны, и сей бы могъ за лучшій почестся, токмо и въ немъ многое растеряно, знатно съ чего оный списанъ, тотъ поврежденъ былъ; ибо на поляхъ того же писца рукою приписывано тако: *здѣ нѣчто пророчено*. Онъ кончается на 1198 году, но окончаніе его утрачено, а потомъ 19 лѣтъ спустя нѣчто непорядочно и новѣйшее, лѣтъ 50 спустя, внесено. У сего весьма любопытнаго (любопытнаго) министра многое число такихъ древнихъ книгъ собрано было, изъ которыхъ при опискѣ растощено, да и послѣ я по описи многихъ не нашелъ, и увѣдалъ, что лучшія бывшіе герцогъ Курляндскій и другіе расхитили. Пятый—изъ Бѣла озера, Кириллова монастыря, въ библіотекѣ сенатской, который начатъ переводомъ нѣкоего греческаго хронографа отъ сотв. міра, и вношены дѣла русскія, но весьма кратко, и многія обстоятельства пропущены, а другія такіа находятся, которыхъ ни въ коемъ нѣтъ... Шестой—новгородскій, въ которомъ писатель въ 1230 году о себѣ тако сказуетъ: погребенъ бысть, и мнѣ Іоанну попу бывшу при томъ, а надписаніе его: *Временникъ, иже наречется лѣтописаніе русскихъ князей, и земля русская*, и по немъ оный лѣтописецъ кѣмъ продолженъ или собранъ, неизвѣстно. Въ немъ многія обстоятельства, что до Малой и Бѣлой Руси принадлежить, выкинуты и сокращены, и самое начало перемѣнено; но въ немъ паки что до Великой Руси или Новгорода принадлежить, то пространство прочихъ писано,—въ немъ же единственно *Законъ Ярославовъ* токмо находится..... Седьмой—псковскій, начинается временемъ Ярослава, а кончается смертью в. в. Василья Васильевича, до лѣта 1468... Осьмой—новгородскій, былъ взятъ отъ Крекшина, надписаніе его: *Повѣсть временныхъ лѣтъ отъ Ноя и его сыновъ, како раздѣлился Русская земля*,—писанъ съ юсами и продолженъ по 1525 г... Девятый лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, подписалъ рукою Никона патріарха. Онъ продолженъ по 1630 г., и видится особливо Никонъ самъ черня, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что ко униженію власти духовной въ другихъ находятся, въ немъ выкинуты или перемѣнены, и новымъ порядкомъ вписаны, напр., гдѣ въ прочихъ написано: *посла князь*, или *повелъ князь митрополиту* или *епископу*; тутъ онъ напи-

салъ: и моли князь отца своего митрополита или епископа. Но сіе прежде его началъ употреблять Макарій митрополитъ Московскій, дополняя Степенную Кипріанову... Десятъй—нижегородскій, не весьма стараго письма, однакожь не меньше 300 лѣтъ... Первый надесять, купленный у посящаго на площади, въ поддестъ, писанный съ начала юсами, подписалъ рукою Ярославскаго монастыря архим. Иосифа. Начало его: *Лѣтосказаніе Нестора черноризца Печерскаго Θεодосіева монастыря о бытіи Русскія земли, о князѣхъ и людѣхъ*. Въ немъ все о народахъ выкинуто, и пачато 860 годомъ“....⁽²¹⁾

II. Миллеръ. (1705—1783).

Послѣ Татищева, вопроса о начальной русской лѣтописи коснулся Миллеръ въ своей статьѣ: „*О первомъ лѣтописателѣ российскомъ преп. Несторѣ, о его лѣтописи и продолжателяхъ оныхъ*“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Ежемѣсячн. Сочиненій“ за 1755 годъ.

Еще въ 1732 г., въ *Sammlung Russ. Gesh.*, Миллеръ напечаталъ переводъ лѣтописи Нестора, но и переводъ и подлинникъ, съ котораго онъ дѣлался, были далеко не изъ лучшихъ; самое заглавіе лѣтописи въ изданіи было перепутано: слова рукописи „*книга лѣтописецъ черноризца Θεодосіева монастыря печерскаго*“ въ переводѣ превратились въ „*книга лѣтописецъ игумена Θεодосія*“... Спустя 20 лѣтъ, ошибку эту исправилъ самъ Миллеръ въ названной сейчасть статьѣ (Еж. Соч., 1755) и здѣсь же призналъ и весь переводъ весьма пудачнымъ.

Согласно съ мнѣніемъ Татищева, Миллеръ предполагаетъ существованіе у насъ до Нестора письменныхъ извѣстій, которыя онъ могъ имѣть подъ руками при составленіи лѣтописи, хотя на нихъ и не ссылается. „Всѣмъ извѣстно, такъ начинаеть свою статью Миллеръ, что начало лѣтописаній российскихъ приписать должно кіевопечерскаго монастыря монаху, препод. Нестору. А понеже сей

⁽²¹⁾ *Ист. Рос.*, I, стр. 60—64.

писатель жилъ въ послѣдней половинѣ XI в. по Р. Хр.; російскія-жъ дѣянія съ половины IX в. описаны уже съ довольными обстоятельствами, и отъ того времени съ полнымъ показаніемъ лѣтъ, когда что достопамятнаго происходило, непрерывно продолжается: то сіе не прекословить принятому отъ нѣкоторыхъ мнѣнію, якобы преп. Несторъ уже засталъ письменныя извѣстія, по которымъ сочинилъ онъ свою лѣтопись, хотя на оныя и не ссылается⁽¹⁾. Приведа выдержку изъ житія преп. Нестора, помѣщенного въ печатномъ Патерикѣ (Кіевъ, 1661, 1702, 1759), о приходѣ Нестора въ монастырь⁽²⁾, и сравнивъ съ этимъ извѣстія лѣтописи подъ 1051⁽³⁾,—Миллеръ выводитъ заключение, что „извѣстная подъ несторовомъ именемъ лѣтопись сочинена нѣмъ инымъ, кромѣ его, хотя онъ самъ о своемъ имени не упоминаетъ, и только въ немногихъ спискахъ приписано, что преп. Нестора сочиненія та лѣтопись“⁽⁴⁾.

Основываясь на словахъ Патерика о Несторѣ: „Сей бо блаженный отецъ нашъ Несторъ, безмолвствующу пр. Антонію въ пещерѣ, блаженному-же Θεодосію строящу монастырь, приде къ нимъ“..., — Миллеръ годъ вступленія Нестора въ монастырь опредѣляетъ въ связи съ годомъ построения церкви въ печерскомъ монастырѣ. Изъ лѣтописи и Патерика видно, что постройка церкви началась въ 1072 г.; въ слѣдующемъ, 1073 г., умеръ Антоній, а за нимъ, въ 1074 г., и Θεодосій; построение церкви докончилъ

(1) *Ежеггс. Сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*, 1755, апр., стр. 300.

(2) Миллеръ такъ излагаетъ свидѣтельства Патерика: «Несторъ будучи 17 лѣтъ отъ рожденія, пришелъ къ Антонію и Θεодосію, кои тогда печерскій монастырь созидали.—прося, чтобы приняли его въ число монаховъ, на что они и позволили; однакожъ постриженіе его прежде не воспослѣдовало, какъ при игуменѣ Стефанѣ, отъ котораго онъ и діакономъ посвященъ. Какъ братія вознамѣрилась мощи св. Θεодосія перенести изъ пещеры въ монастырскую церковь, то Несторъ больше всѣхъ при томъ трудился. Прочія лѣта своей жизни онъ препроводилъ въ сочиненіи своей лѣтописи, а на послѣдокъ представилъ и погребенъ въ пещерѣ».

(3) Миллеръ особенно указываетъ на заключительныя слова лѣтописца: «Къ нему же (Θеодосію) и азъ пріидохъ худій и недостойный рабъ, и пріять мя, лѣтъ 40 сущу ми въ монастыри, а лѣтъ 17 отъ рожденія постригохся во иноческій образъ»...

(4) *Ежеггс. Сочин.*, 1755, апр., стр. 305.

Стефанъ: „Понеже Несторъ все сіе напередъ описываетъ, разсуждаетъ Миллеръ,—а потомъ уже о принятіи своемъ въ монастырь упоминаетъ; къ тому же въ Патерикѣ точно объявляется, что Несторъ въ то время, когда Θεодосій строилъ монастырь, къ нему и преп. Антонію пришелъ,—хотя его въ монастырь не онъ, но послѣдовавшій игуменъ Стефанъ, постригъ: то изъ сего должно заключить, что Несторъ пришелъ къ Θεодосію не задолго до Антоніевой кончины; слѣдовательно былъ онъ въ 1073 г. 17 лѣтъ,—почему рожденіе его было въ 1056 г.“⁽⁵⁾...

Что касается до того, гдѣ кончается лѣтопись, принадлежащая собственно Нестору, и гдѣ начинаются труды его продолжателей, въ этомъ вопросѣ Миллеръ расходится съ Татищевымъ. Приведя мнѣніе послѣдняго объ окончаніи лѣтописи Нестора на 1093 годъ, а на 1116 годъ—его перваго продолжателя, Сильвестра, Миллеръ возражаетъ: „Сколько проникателенъ онъ (Татищевъ) ни былъ, не вспомнилъ онъ, что Несторъ самъ упоминаетъ о 40 лѣтахъ своего пребыванія въ печерскомъ монастырѣ⁽⁶⁾, и что весьма не великое время жизни его выдетъ, ежели положить, что онъ около 1093 г. преставился. Старость, означенная въ Патерикѣ словами лѣта довольна, съ тѣмъ не согласуется⁽⁷⁾. Также и невѣроятно, чтобы преп. Несторъ писать пересталъ прежде, какъ смертельная болѣзнь его къ тому принудила. Мы полагаемъ, какъ выше показано, что Несторово въ монастырѣ пребываніе считать должно съ 1073 года. Онъ зачалъ писать свою лѣтопись въ послѣднихъ лѣтахъ своей жизни. А когда онъ трудъ свой довелъ до того времени, какъ зачалось строеніе монастыря, тогда бытія его въ монастырѣ, по собственному его объявленію, было 40 лѣтъ,—которое время приходитъ въ 1113 годъ. Потомъ онъ могъ еще два года жить, и такимъ образомъ приключенія своего

⁽⁵⁾ *Ежесм. Соч.*, 1755, апр., стр. 308—309.

⁽⁶⁾ Гдѣ почерпнулъ Миллеръ это извѣстіе, неизвѣстно; Шлегель, упоминая объ этомъ (I, 13) замѣчаетъ, что Миллеръ не вѣрно поналъ мѣсто лѣтописи.

⁽⁷⁾ Миллеръ разумѣетъ слѣдующее мѣсто патерика: «Поживе лѣта довольна труждаася въ дѣлѣхъ лѣтописанія, и лѣта вѣчная поминая, и тако угоди Творцу, къ нему же по лѣтѣхъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность»..

вѣка довести до самаго своея кончины. По одному мѣсту той лѣтописи, при 1096 годѣ, весьма ясно оказывается, что сочинитель еще тогда, какъ и прежде, былъ монахомъ въ печерскомъ монастырѣ; а именно описывается тамъ нападеніе половецкаго князя Бонака на Кіевъ, и особливо учиненное имъ опустошеніе печерскаго монастыря; при чемъ сочинитель говоритъ: „на мѣстѣ сущимъ по келіямъ почивающимъ“. А сіе не можно разумѣть о игуменѣ Сильвестрѣ св. Михаила, ибо оный монахомъ печерскаго монастыря не бывалъ, какъ то и въ Патерикѣ житія его не описано. Слѣдовательно, полагаемъ мы конецъ жизни препод. Нестора также и конецъ его лѣтописи—въ 1115 году. И потому всего житія его было 59 лѣтъ⁽⁸⁾.

Не принимая мнѣнія Татищева о концѣ лѣтописи Нестора, Миллеръ естественно не соглашается съ нимъ и въ томъ, гдѣ начинается лѣтопись его перваго продолжателя, Сильвестра. Начало Сильвестровой лѣтописи Миллеръ относитъ къ 1116 году, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ Татищевъ предполагалъ ея окончаніе. Свое мнѣніе Миллеръ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями: 1) „въ началѣ 1116 года положенныя Сильвестромъ слова не меньше походятъ на начало, какъ и на окончаніе (въ примѣчаніи приводится извѣстная приписка Сильвестра); 2) въ припискѣ Сильвестръ говоритъ, что „писалъ онъ при владѣніи великаго князя Владимира Мономаха, кое началось въ 1113 году“, и 3) „Сильвестръ тогда еще не преставился, и никакой причины не видно, для чего бы ему перестать писать прежде своей кончины. Въ 1119 году поставленъ онъ епископомъ въ Переяславль, гдѣ въ 23 день апрѣля, 1123 г. скончался; и посему такъ далеко слѣдуетъ его продолженіе“⁽⁹⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Миллера, лѣтопись Сильвестра продолжается не до 1116 г., а до 1123 г. О послѣдующихъ лѣтописцахъ онъ ограничивается свѣдѣніями, сообщаемыми Татищевымъ, какъ и самъ указываетъ на это. Упомянувъ о неизвѣстномъ продолжателѣ до 1157 года, занятомъ больше всего дѣлами Волыни и Галиціи, и о новомъ продолжателѣ до 1203 года, Миллеръ замѣчаетъ:

⁽⁸⁾ *Ежем. Сочин.*, стр. 311—312.

⁽⁹⁾ *Ежем. Соч.*, стр. 315—316.

„До сего времени (т. е. до 1203 г.) разные списки Несторовой лѣтописи, также и продолженія оной, почти во всемъ между собою согласны, — по крайней мѣрѣ въ томъ, что до главныхъ приключеній касается... Потомъ настало время, которое не меньше надъ лѣтописями, какъ вообще надъ человѣческимъ благополучіемъ, оказывало свое дѣйствіе“, — и далѣе высказываетъ вѣрный взглядъ на позднѣйшія мѣстныя лѣтописи, которыя велись въ отдѣльныхъ княжествахъ: „Какъ Россія отъ времени до времени болѣе раздѣляема была на разные княженія: то въ каждомъ княженіи востали особливые писатели, кои по обыкновенію предпочитали приключенія своей страны всѣмъ другимъ, и только тѣ обстоятельно описывали, а изъ приключеній прочихъ странъ Россійскихъ больше не брали, какъ сколько для связанія порядка необходимо надобно имъ показалось“... И далѣе: „Кто всѣ таковыя писатели были, хотя того добратся и трудно, однако видно, что всѣ были изъ духовенства: ибо въ старинныя времена въ Россіи также, какъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ, знаніе и науки по большей части не выступали изъ предѣловъ монастырскихъ“⁽¹⁰⁾. Въ числѣ этихъ болѣе позднихъ мѣстныхъ лѣтописателей Миллеръ упоминаетъ о сузд. еп. С и м о н ѣ († 1226) и новгор. попѣ Іо а н н ѣ, который самъ называетъ себя подъ 1230 годомъ. „Какъ первый имѣлъ намѣреніе описывать (съ 1203 г.) болѣе главные приключенія Россійскаго Государства, а особливо великаго княженія во В л а д и м и р ѣ: такъ послѣдній напротивъ того описалъ то, что въ Н о в ѣ г о р о д ѣ происходило. Чего ради въ продолжаемой имъ лѣтописи, не только своего времени дѣла новгородскія предложилъ обстоятельно, но и прежнихъ временъ исторію новгородскими приключеніями дополнилъ. Доказательствомъ онаго есть Законъ, данный новгородцамъ въ 1019 году отъ в. к. Ярослава Владимировича, содержащій тогдашнія гражданскія права, по которымъ судъ и расправу чинить велѣно было. Сей Законъ есть неоцѣненная вещь для Россійской древности. Несторъ въ своей лѣтописи объ ономъ подробно не упоминаетъ, но только пишетъ, что такой Законъ данъ

(10) *Ежес. Сочин.*, стр. 317.

Ярославомъ; а между всѣми списками Несторовой лѣтописи одинъ токмо новгородскій, съ продолженіемъ священника Іоанна, въ которомъ оный по всему своему содержанію находится“ ⁽¹¹⁾...

Въ концѣ статьи Миллеръ останавливается на двухъ, (указанныхъ уже Татищевымъ) лучшихъ, по его мнѣнію, спискахъ Несторовой лѣтописи: „Господинъ тайн. сов. Татищевъ хвалилъ нѣкоторый старинный списокъ Несторовой лѣтописи, который у него самого находился. Превосходная онаго древность показывается отчасти по письмамъ, кои на квадратныя древнія греческія и римскія походятъ, отчасти по тому, что написанъ на пергаментѣ; отчасти изъ многихъ, находящихся въ немъ и въ нынѣшнія времена совсѣмъ неупотребительныхъ рѣчей; и наконецъ изъ того, что оный не далѣе 1197 года простирается. По сему послѣднему обстоятельству не безъ вѣроятности заключается, что сей списокъ въ концѣ второго надесяти вѣка писанъ. Имя преп. Нестора въ началѣ онаго ясно означено“ ⁽¹²⁾. Другой — списокъ Кенигсбергской бібліотеки.

III. Шлецеръ (1735—1809).

Эпоху въ литературѣ о Несторѣ дѣлаетъ Шлецеръ. Ему первому принадлежитъ честь научнаго критическаго изслѣдованія Несторовой лѣтописи. Имѣя передъ собою около 20-ти различныхъ списковъ лѣтописи Нестора, Шлецеръ прежде всего сличилъ эти списки, сравнилъ ихъ „слово въ слово, буква въ букву“, и путемъ такого сличенія „очистилъ“ Нестора отъ позднѣйшихъ вставокъ и описокъ, — установилъ болѣе вѣрный текстъ его лѣтописи; очищенный и провѣренный текстъ онъ затѣмъ подвергнулъ строгой критикѣ, стараясь опредѣлить, на сколько эта древняя русская лѣтопись важна въ смыслѣ историческаго источника. Свое критическое изслѣдованіе текста авторъ раздѣляетъ на двѣ главныя части — критику „малую“ и „вышую.“ Сличе-

⁽¹¹⁾ *Ежем. Соч.*, стр. 318—319.

⁽¹²⁾ *Ежем. Сочин.*, стр. 321—323.

ніе списковъ и очищеніе текста онъ называетъ малой критикой, „критикой словъ“, за которой слѣдуетъ другая критика, высшая, „критика дѣлъ“: автору недостаточно знать, что сказалъ Несторъ; для него гораздо важнѣе вопросъ—вѣрно-ли то, что сказалъ Несторъ,—эту цѣль и преслѣдуетъ критика высшая, критика дѣлъ. Какъ Шлецеръ понималъ свою задачу, занимаясь 30 лѣтъ этимъ трудомъ, хорошо видно изъ его замѣчаній въ концѣ I тома, гдѣ онъ говоритъ о необходимости сдѣлать критическое изданіе Нестора. „Несторъ — пишетъ Шлецеръ — долженъ подвергнуться тремъ различнымъ операціямъ. Нужно изслѣдовать:

1) Что Несторъ писалъ дѣйствительно? Ему-ли принадлежитъ такое-то слово (иногда такая-то буква), такая-то строка, такое-то цѣлое мѣсто? или переписчикъ, по невѣжеству, нерадѣнію или высокоумію, испортилъ это слово, вставилъ или пропустилъ эту строку, это мѣсто? Вотъ—малая критика, или критика словъ.

2) Что онъ подъ симъ разумѣлъ? Какъ понимать такое-то его выраженіе? Вѣроятно, старикъ употребляетъ такія слова, и обороты, которые теперь черезъ 700 лѣтъ не всякому будутъ понятны: слова возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ подобно народамъ и царствамъ. Иногда онъ говоритъ намеками: въ чемъ его мысль? Вотъ—грамматическое и историческое толкованіе.

3) Правильна-ли его мысль? Подлинное-ли событіе онъ излагаетъ или передаетъ сказку? Правильно-ли его сужденіе или оно отзывается монашескимъ аскетизмомъ? Несторъ — монахъ XI ст., похожій на всѣхъ европейскихъ монаховъ своего времени: неучень, какъ и тогдашніе его византійскіе руководители, которыхъ онъ бралъ себѣ за образецъ; наполненъ предрасудками и монастырскимъ легковѣріемъ, противнымъ взглядамъ XVIII ст.; жившій на Днѣпрѣ въ такомъ уголкѣ земли, который мало имѣлъ сношенія съ прочимъ земнымъ шаромъ; мало зналъ людей и свѣтъ. Такому лѣтописателю, признавая все его достоинство, теперь можно сказать: ты обманываешься, ты слишкомъ простъ, ты рассказываешь сказку. Вотъ—высшая критика или критика дѣлъ“⁽¹⁾.

(1) Шлецеръ, *Несторъ, рус. лѣтоп.*, I, Спб., 1809, стр. 395—397.

Осуществленіе намѣченныхъ задачъ ми и видимъ въ его изслѣдованіи о Несторѣ: Nestor, Russischen Annalen, 1802 — 1809, почти одновременно переведенномъ и на русскій языкъ и изданномъ въ Спб., 1809—1819 г.: *Несторъ. Русскія лѣтописи на древле-славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя* Августомъ Людвигомъ Шлецеромъ... *Перевелъ съ нѣмецкаго* Дмитрій Языковъ. Спб., 1809 — 1819. Въ оригиналѣ изслѣдованіе заключается въ 5 т., въ русскомъ переводѣ въ 3 т., и доведено до 980 года. Мы будемъ излагать и цитировать трудъ Шлецера по русскому изданію. Сначала Шлецеръ излагаетъ разныя предварительныя изысканія о самомъ Несторѣ, его лѣтописи, его продолжателяхъ, дѣлаетъ очеркъ русской историографіи и т. п.; затѣмъ переходитъ къ критическому изслѣдованію самаго текста начальной лѣтописи, критическому разбору ея, какъ историческаго источника, — чему посвящаетъ все дальнѣйшее содержаніе своего труда. Внѣшній пріемъ изслѣдованія таковъ: весь текстъ Несторовой лѣтописи Шлецеръ разбиваетъ на мелкіе отрывки и каждый разсматриваетъ отдѣльно, стараясь возстановить въ истинномъ видѣ древнѣйшій, первоначальный текстъ памятника; далѣе слѣдуетъ нѣмецкій переводъ этого очищеннаго текста, — и этимъ оканчивается „малая критика, критика словъ“; затѣмъ идутъ обширныя комментаріи къ отрывкамъ, критическія изысканія и замѣтки. Это — вторая часть, высшая критика, и она составляетъ, вонечно, важнѣйшую часть труда. Останавливаемся главнымъ образомъ на I томѣ, преимущественно на первой его половинѣ, какъ непосредственно относящейся къ нашей задачѣ.

Говоря о самомъ Несторѣ, Шлецеръ ограничивается свѣдѣніями, уже сообщенными Татищевымъ и Миллеромъ. „Больше о его жизни — замѣчаетъ Шлецеръ — намъ ничего неизвѣстно; даже и годъ смерти его съ точностью нигдѣ не обозначенъ. Въ Патерикѣ сказано только: „поживе же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлѣхъ лѣтописанія, и лѣта вѣчна поминая, и тако добръ угоди Творцу, къ нему же по лѣтѣхъ временныхъ довольныхъ преставися на вѣчность“. По словамъ „лѣта довольна“, продолжаетъ Шлецеръ, можно предположить лѣтъ 60, — почему онъ и долженъ жить еще по крайней мѣрѣ въ 1116 г.“ (*).

(*) Шлецеръ, I, стр. 12.

Нестору Шлецеръ приписываетъ два сочиненія: *Житіе печерскихъ подвижниковъ*, помѣщенное въ печатномъ Патерикѣ (1661), хотя далеко не въ первоначальномъ видѣ, и *лѣтопись*. Переходя къ послѣдней, онъ спрашиваетъ, — какъ могъ человѣкъ съ такими свѣдѣніями, какія мы видимъ у Нестора, явиться въ Россіи въ XI вѣкѣ? Какъ пришла ему мысль о лѣтописи? Что служило ему при этомъ образцомъ? Изъ какихъ источниковъ почерпалъ онъ свои извѣстія?... Рѣшая эти вопросы, Шлецеръ находитъ отвѣты на нихъ въ томъ культурномъ вліяніи Византіи на Россію, которое началось у насъ съ принятіемъ христіанства. Выбѣтъ съ греческой религіей, въ Россію перенесены были греческая литература и греческое образованіе: въ этой новой сферѣ и образовалъ себя Несторъ. Вліяніе на Нестора византійскихъ историковъ, особенно современниковъ (напр. Кедрина), кажется для Шлецера несомнѣннымъ: „весь Временникъ его — замѣчаетъ онъ — составленъ на манеръ византійскій“ (*).

Что касается до источниковъ, которыми могъ пользоваться Несторъ въ своей лѣтописи, то источниками этими Шлецеръ прежде всего считаетъ собственныя личныя свѣдѣнія лѣтописца: о многомъ Несторъ могъ говорить, какъ современникъ; кромѣ того, многое онъ могъ слышать отъ современниковъ, какъ самъ упоминаетъ объ этомъ подлѣ 1106 г., по поводу смерти Яна. Изъ письменныхъ источниковъ Шлецеръ допускаетъ только произведенія византійскихъ историковъ; у нихъ, по мнѣнію Шлецера, Несторъ заимствовалъ очень многое, а также и хронологію. Въ существованіи какихъ либо письменныхъ источниковъ русскихъ до Нестора Шлецеръ сильно сомнѣвается, вслѣдствіе чего никакъ не можетъ объяснить себѣ, откуда могъ взять Несторъ въ свою лѣтопись *Договоры съ греками*, которыхъ нѣтъ въ византійскихъ источникахъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи знаменитый критикъ былъ менѣе проницателенъ, чѣмъ Татищевъ и Миллеръ, которые предполагали существованіе въ Россіи до Нестора тѣхъ или другихъ письменныхъ матеріаловъ, служившихъ источниками для лѣтописи.

(*) Шлецеръ, I, стр. 17.

Выдѣляя изъ дошедшей до насъ древней лѣтописи принадлежащее собственно Нестору и труды его продолжателей, Шлецеръ ограничивается и въ этомъ вопросѣ только передачей того, что сказано было объ этомъ Татищевымъ и Мидлеромъ. Конецъ лѣтописи самого Нестора онъ относитъ, согласно съ мнѣніемъ Миллера, къ 1116 году; съ этого же времени считаетъ и начало лѣтописи Сильвестра, перваго продолжателя Нестора, хотя и не означаетъ, какъ далеко могла простирается лѣтопись послѣдняго. Изложеніемъ мнѣнія своихъ предшественниковъ онъ ограничивается, говоря и о дальнѣйшихъ продолжателяхъ лѣтописи, на что самъ указываетъ.

Приступая къ самой лѣтописи, Шлецеръ прежде всего говоритъ о великомъ значеніи ея, какъ историческаго источника. Чтобы показать всю важность ея съ этой стороны, онъ приводитъ хронологическую таблицу всѣхъ лѣтописателей сѣвера, начиная съ половины IX в. и кончая XVI, выставляя при этомъ на видъ „русское богатство“ и „бѣдность всей остальной верхне-сѣверной исторіи“, — „несторову древность“ сравниваетъ съ „молодостью скандинавскихъ, венгерскихъ и остальныхъ славянскихъ историковъ“, „полноту и правдивость Нестора съ отрывочностью и легкомысленностью“ современныхъ ему писателей скандинавскихъ, славянскихъ и венгерскихъ и всѣхъ продолжателей ихъ — до XVI ст. „На всемъ этомъ, заключаетъ Шлецеръ, громадномъ пространствѣ (отъ 800 до 1500) Несторъ есть одинъ только настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый лѣтописецъ“ (*).

Вся слѣдующая глава посвящена описанію русскихъ временниковъ. Шлецеръ говоритъ здѣсь о многочисленности списковъ лѣтописей, о матеріалѣ этихъ списковъ, ихъ древности, языкѣ, форматѣ и письмѣ, въ особенности о различіи ихъ редакцій, различіи, происшедшемъ отъ позднѣйшихъ вставокъ и дополненій. Говоря о позднѣйшемъ искаженіи Несторовой лѣтописи, онъ замѣчаетъ: „На почтеннаго Нестора бросались всѣ; начали измѣнять его слогъ, выбрасывать одни слова, вставляли другія, сокращать, вводить свое, толковать... Такъ какъ въ первомъ

(*) Шлецеръ, I, стр. 45—47.

столѣтіи онъ очень кратокъ, потому что, будучи честнымъ и умнымъ человѣкомъ, повѣствуетъ только то, что знаетъ, и пишетъ только о томъ, что принадлежитъ его исторіи,—то его начинили выписками изъ византійцевъ, а потомъ и глупыми бреднями“... Чтобы показать, какъ позднѣйшіе переписчики обращались съ Несторомъ, Шлецеръ приводитъ слова Рейске о древнихъ византійскихъ спискахъ; слова эти дѣйствительно вполне примѣнимы и къ нашимъ. „Въ тѣ времена—пишетъ Рейске—это (искаженіе подлиннаго текста) дѣлалось болѣе по незнанію и простотѣ. Тогда еще не умѣли отличать примѣчаній комментатора отъ словъ автора, чѣмъ обязаны мы тщательной критикѣ позднѣйшихъ временъ (какого искусства—вставляетъ въ скобкахъ Шлецеръ—въ Россіи никогда не было). Что хозяинъ книги отмѣчалъ отъ себя на поляхъ, то писцы вносили безъ разбора въ самый текстъ, предполагая читателя невнимательнаго или незнающаго, котораго не останавливать прибавки хронологическія и пр.; или думая, что разборчивый читатель, если такой попадется, удобно распознаетъ тѣ прибавки (все—уроки для читателей русскихъ лѣтописей, опять въ скобкахъ замѣчаетъ Шлецеръ). Въ болѣе позднія времена дѣлали еще хуже: переписывая чужія сочиненія отъ слова до слова, въ концѣ прибавляли немного отъ себя, а потомъ ставили свое или чье другое имя („Несторово“ — въ скобкахъ вставляетъ Шлецеръ), и безнаказано производили ученое мошенничество („составитель Степенныхъ книгъ“—поясняетъ отъ себя Шлецеръ), и съ такимъ при томъ безстыдствомъ, или лучше сказать глупостью, что даже не старались скрывать слѣдовъ воровства“^(*). Согласно съ мнѣніемъ Татищева, въ нѣкоторыхъ спискахъ Шлецеръ видитъ слѣды даже преднамѣренной поддѣлки: „Когда мірская власть въ Россіи начала ослабѣвать, духовная стала дѣлать частыя покушенія возвыситься надъ нею. Нѣкоторые митрополиты походили на Гильдебранда, а монахи, рабы ихъ, поддѣлкою лѣтописей старались помогать имъ въ достиженіи ихъ памѣренія, и съ этою цѣлю заставили даже древнихъ великихъ князей не приказывать своимъ митрополитамъ, а только просить. Если разсказывалось, что государь предпринималъ что нибудь важное,

(*) Шлецеръ, I, стр. 86—87.

то переписчикъ вставлялъ: съ благословенія отца своего, святѣйшаго NN... Татищевъ говоритъ, прибавляетъ Шлецеръ что будто патр. Никонъ началъ первый это дѣлать; но мнѣ удавалось находить это и въ древнѣйшихъ рукописяхъ" ⁽⁶⁾. Шлецеръ впрочемъ не подтверждаетъ словъ своихъ фактическими доказательствами.

Далѣе, въ главѣ IV, Шлецеръ говоритъ довольно подробно о различныхъ вспомогательныхъ источникахъ русской исторіи, — Степенной книгѣ, хронографѣхъ, родословныхъ, церковныхъ и разрядныхъ книгѣхъ, о древнихъ монетахъ, надписяхъ, картинахъ, о народныхъ пѣсняхъ, грамотахъ. Въ массѣ матеріала нерѣдко разбрасываются весьма цѣнныя свѣдѣнія; въ особенности интересна и до сихъ поръ не потеряла нѣкотораго научнаго значенія глава посвященная очерку русской исторіографіи ⁽⁷⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ изысканій, Шлецеръ приступаетъ къ самому тексту. Устанавливая текстъ памятника, Шлецеръ шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за повѣствованіемъ нашего лѣтописца. Разбирая и критикуя почти каждое его слово, онъ очищаетъ его отъ позднѣйшихъ описокъ и вставокъ переписчиковъ, и этимъ путемъ устанавливаетъ болѣе правильное чтеніе, за тѣмъ присоединяетъ—къ такому исправленному тексту свои критическія изслѣдованія и замѣтки. Критикой особенно богаты первыя части труда; подъ конецъ критическія изысканія дѣлаются значительно короче. Изысканія эти касаются специальныхъ историческихъ вопросовъ, и мы, конечно, не будемъ на нихъ останавливаться; мы ограничимся только общимъ очеркомъ содержанія его труда.

Въ самомъ началѣ критики текста, по поводу космографіи, которою начинается лѣтопись Нестора, Шлецеръ замѣчаетъ, что эта космографія имѣетъ происхожденіе чисто византійское: Несторъ, вѣроятно, списалъ ее у какаго-нибудь византійскаго историка. „Начиная съ IV столѣтія, замѣчаетъ онъ, такимъ разсказомъ открываются обыкновенно повѣствованія всѣхъ греческихъ и латинскихъ историковъ, а

⁽⁶⁾ Шлецеръ, I, стр. 85—86.

⁽⁷⁾ Шлецеръ, I, стр. 89—175.

за ними слѣдуютъ и позднѣйшіе, вплоть до XV в.; всѣ эти космографіи, очевидно, происходятъ изъ одного источника,—второго однакоже я не могъ еще отыскать“. Шлецеръ не можетъ также прямо указать, у кого собственно изъ византійскихъ писателей заимствовалъ Несторъ свой рассказъ, и указываетъ сочиненія трехъ писателей, которые могли въ этомъ случаѣ послужить нашему лѣтописцу источникомъ: Синкелла, неизвѣстнаго автора Пасхальной хроники (*Pachalion, Chron. Paschale*) и Кедрина, — *Georg. Synkelli* († ок. 800), *Chronographa*, стр. 45 sqq (париж. изд. 1652), *Paschalion* или *Chron. Paschale*, парижск. изд. 1688, стр. 26 sqq, и *Georg. Kedrini* († ок. 1057), *Compend. Histor.*, t. I, л. 11 об., 14 об. (пар. изд. 1647) ⁽⁸⁾. Далѣе, разбирая рассказъ лѣтописи о разселеніи Славянъ, Шлецеръ подробно говоритъ о Руссахъ, о различныхъ славянскихъ племенахъ, упоминаемыхъ здѣсь, и о постепенномъ расселеніи ихъ по рѣкамъ ⁽⁹⁾; замѣчаетъ о легендарности рассказа о посѣщеніи береговъ Днѣпра ап. Андреемъ ⁽¹⁰⁾ и указываетъ, какъ на сказку, на рассказъ о построеніи Кіева ⁽¹¹⁾. Затѣмъ, идя далѣе за повѣствованіемъ Нестора, Шлецеръ подробно говоритъ о народахъ, населявшихъ древнюю Русь, — Болгарахъ, Аварахъ, Печенѣгахъ ⁽¹²⁾. Замѣтивши мимоходомъ, что рассказъ Нестора о Радимѣ и Вяткѣ—такая-же сказка, какъ и о построеніи Кіева, и есть позднѣйшая вставка въ лѣтопись, Шлецеръ останавливается на Несторовой этнографіи славянскихъ племенъ и указываетъ на заимствованія здѣсь Несторомъ изъ византійскихъ историковъ; онъ приводитъ выдержки параллельныхъ мѣстъ изъ нѣсколькихъ греческихъ писателей и замѣчаетъ, что, — вѣроятно, „Несторъ перевелъ кого-либо изъ нихъ, можетъ быть, Кедрина“. Ссылка Нестора на какого-то Георгія („*маголетъ бо Георгій въ лѣтописаніи*“...) для Шлецера совершенно непонятна, и предполагая здѣсь описку, онъ перевелъ эти слова такъ:

⁽⁸⁾ Шлецеръ, I, стр. 14.

⁽⁹⁾ Шлецеръ, I, стр. 36—162.

⁽¹⁰⁾ Шлецеръ, I, стр. 171—173.

⁽¹¹⁾ Шлецеръ, I, стр. 180—183.

⁽¹²⁾ Шлецеръ, I, стр. 188—198. 199—203. 205—210.

„великій Кесарій, братъ великаго Григорія, говоритъ“... ⁽¹³⁾. Указавши на различныя вставки подъ соотвѣтствующими годами въ нѣкоторыхъ спискахъ, Шлецеръ кратко разбираетъ дальнѣйшій разсказъ Нестора объ изгнаніи варяговъ Славянами, объ ихъ вторичномъ призваніи и приходѣ въ Россію, ограничиваясь при этомъ почти однимъ переводомъ и небольшими замѣтками ⁽¹⁴⁾, и затѣмъ — на долго останавливается на словѣ „Русь“, дѣлая длинныя разысканія о значеніи и происхожденіи этого слова (гл. XVII—XXII). Далѣе, въ исторіи Рюрика, Аскольда и Дира онъ останавливается между прочимъ на походѣ Руссовъ, въ 866 году, подъ Константинополь, пускаясь въ длинныя разсужденія о томъ, кто были эти Руссы ⁽¹⁵⁾. Въ концѣ I тома, въ видѣ приложенія, онъ присоединяетъ три замѣтки, изъ которыхъ въ первой представляетъ историческій очеркъ варяжскаго вопроса въ русской литературѣ, во второй развиваетъ мысль о необходимости критическаго изданія Нестора и о томъ, какъ должно приняться за это дѣло (взглядъ его на этотъ вопросъ приведенъ выше), и въ третьей — представляетъ общій взглядъ на древнюю русскую исторію и ея источники.

Излагая лѣтописную исторію Олега, авторъ замѣчаетъ, что съ этихъ поръ, при исправленіи текста, онъ пользовался уже меньшимъ количествомъ списковъ. Дѣйствительно, подробность сличенія постепенно уменьшается. Далѣе, замѣтивши, что сказанія объ Олегѣ слишкомъ баснословны и что вся хронологія до Рюриковой смерти вообще не вѣрна, и затѣмъ прибавивъ нѣсколько замѣчаній объ инородцахъ Россіи, авторъ, — по поводу вставки подъ 6406 г. (898) лѣтописи объ Уграхъ, и далѣе, о крещеніи Моравовъ и о переводѣ для нихъ св. Писанія на славянскій языкъ, — дѣлаетъ громадное отступленіе, похожее на цѣлое изслѣдованіе, гдѣ подробно говоритъ о происхожденіи Венгровъ, о политической исторіи Славянъ въ IX в., о дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи ими славянской грамоты и переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ ⁽¹⁶⁾. Излагая затѣмъ,

⁽¹³⁾ Шлецеръ, I, стр. 217—238.

⁽¹⁴⁾ Шлецеръ, I, стр. 238—239.

⁽¹⁵⁾ Шлецеръ, I, стр. 314—358. II, стр. 1—122.

⁽¹⁶⁾ Шлецеръ, II, Спб., 1816, стр. 329—405; 406—582.

разсказъ лѣтописи о походѣ Олега подѣ Царьградъ, Шлецеръ подробно останавливается на вопросѣ о *Договорахъ* ⁽¹⁷⁾. Исследователь сильно сомнѣвается въ ихъ подлинности. Ему особенно кажется страннымъ совершенное молчаніе объ этомъ византійскихъ источниковъ. Правда, событіе это относится къ тому періоду, когда въ византійской исторической литературѣ, произошелъ перерывъ источниковъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ (съ 813 по 959 г.), тѣмъ не менѣе—продолжаетъ Шлецеръ — и за это время всетаки велись тамъ кой какія краткія записки; но нигдѣ въ нихъ нѣтъ ни слова ни о походѣ, ни о договорахъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ спискахъ и на нихъ лѣтописей договоры пропущены. Наконецъ, исследователю кажется весьма подозрительнымъ самое содержаніе договоровъ: не выдумано-ли все это, т. е. и походъ, и договоры — „изъ любви къ отечеству?“ спрашиваетъ нашъ критикъ. Разрѣшеніе своихъ сомнѣній онъ однако откладываетъ до того времени, когда будетъ говорить о договорахъ Игоря, (но, какъ увидимъ, онъ и здѣсь не даетъ положительнаго отвѣта). По поводу разсказа Нестора о смерти Олега, Шлецеръ замѣчаетъ, что разсказъ этотъ, — вѣроятно, представляетъ, лишь варіацію исландской саги о смерти Орвара ⁽¹⁸⁾.

Далѣе слѣдуетъ исторія Игоря. Большія критическія замѣтки автора встрѣчаются здѣсь еще рѣже. Самые списки онъ сравниваетъ теперь далеко уже не съ прежней тщательностью: изслѣдованіе все чаще и чаще ограничивается однимъ переводомъ и кой-какими пояснительными замѣтками. Болѣе подробными являются здѣсь замѣчанія о договорахъ Игоря съ греками: война Игоря и его договоры съ Царьградомъ — подлинная-ли это исторія или сказка? спрашиваетъ Шлецеръ. Въ лѣтописи упоминается о двухъ походахъ Игоря на грековъ — подѣ 6449 г. (941) и 6452 (944). Относительно перваго Шлецеръ не сомнѣвается: объ этомъ походѣ, окончившемся весьма несчастно для Игоря, упоминаютъ кромѣ русскихъ и иностранные источники — византійскіе, арабскіе, французскіе; слѣдовательно, сомнѣній здѣсь быть не можетъ. Но совсѣмъ другое дѣло — походъ 944 г. и до-

⁽¹⁷⁾ Шлецеръ, II, Спб., 1816, стр. 693—759.

⁽¹⁸⁾ Шлецеръ, II, стр. 760—770.

говоръ съ греками, приноровленный нашей лѣтописью къ этому походу: ни о походѣ, ни о договорѣ не упоминаетъ ни одинъ византійскій писатель, да и наши лѣтописцы къ этимъ событіямъ, столь славнымъ для русской исторіи, относятся очень холодно и самаго договора часто не вносятъ въ свои лѣтописи. „Такимъ образомъ всё мои сомнѣнія относительно подлинности договора Олетова — заключаетъ Шлецеръ—еще съ большою силою относятся и къ договору Игореву. Но съ другой стороны можно-ли думать, что весь этотъ подробный договоръ просто выдуманъ кѣмъ-нибудь?“ (19)... Шлецеръ не высказываетъ окончательнаго рѣшенія и вопросъ о подлинности договоровъ Олега и Игоря предоставляетъ рѣшить будущимъ разсужденіямъ... Эти разсужденія рѣшили сомнѣнія Шлецера въ положительномъ смыслѣ: изслѣдованія Krug'a, Ewers'a, Погодина, Лавровскаго утвердили подлинность Договоровъ.

Разборъ дальнѣйшаго лѣтописнаго разсказа объ Олегѣ, Святославѣ и Ярополкѣ ограничивается почти одной проверкой текста, и небольшими кой гдѣ замѣтками. Большихъ критическихъ изслѣдованій уже нѣтъ. Видно, что и Шлецеръ подъ конецъ какъ бы утомился своимъ дѣйствительно волосальнымъ трудомъ.....

„Нестора“ Шлецера, къ сожалѣнію неоконченный, былъ первымъ строго-научнымъ обслѣдованіемъ нашей начальной лѣтописи, исполненнымъ съ чрезвычайно широкой постановкой и рѣдкой эрудиціей. По широтѣ научнаго изученія, этотъ трудъ легъ основой не только для дальнѣйшаго изученія спеціально лѣтописи, но и для всей русской исторіографіи: по очень многимъ вопросамъ послѣдней онъ долго служилъ исходнымъ пунктомъ. Своими изысканіями Шлецеръ поставилъ русскую исторіографію на твердую и широкую дорогу, — впервые приложивши къ ея вопросамъ во всей строгости методъ критическаго анализа. Въ частности, въ изученіи древнѣйшей русской лѣтописи, научная заслуга Шлецера сводится къ двумъ пунктамъ: онъ 1) возстановилъ болѣе правильный текстъ начальной лѣтописи и 2) подвергнулъ эту лѣтопись широкому научному изученію, строгой критической оцѣнкѣ...

(19) Шлецеръ, III, Спб., 1819, стр. 90—185. 206—210.

IV. Карамзинъ (1766 — 1826).

Карамзинъ прибавилъ немного къ трудамъ своихъ предшественниковъ по разработкѣ древней русской лѣтописи. Но главная заслуга его состояла въ томъ, что онъ указалъ много новыхъ матеріаловъ для изученія этого вопроса и исправилъ нѣкоторые ошибки первыхъ исследователей. Взглядъ Карамзина на русскія лѣтописи разбросанъ въ примѣчаніяхъ по разнымъ мѣстамъ его „Исторіи“. Впрочемъ, главное, относящееся къ лѣтописи древней, сказано въ началѣ Исторіи, въ главѣ „объ источникахъ“. Мѣсто это такъ не велико, что мы приведемъ его здѣсь сполна: „Несторъ, мною монашескаго Кіево-Печерскаго, прозванный отцемъ Россійской исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ; одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы князей; бесѣдовалъ съ вельможами, старцами кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ византійскія хроники, замѣски церковныя, и сдѣлался первымъ лѣтописцемъ нашего отечества“⁽¹⁾. Такимъ образомъ Карамзинъ подтверждаетъ гадательное предположеніе Татищева и Миллера о до-несторовскихъ писемныхъ извѣстіяхъ, опредѣляя ихъ точнѣе, — какъ „записки церковныя“.

Что касается до того, гдѣ кончается лѣтопись Нестора, то въ этомъ вопросѣ Карамзинъ соглашается скорѣе съ мнѣніемъ Миллера, чѣмъ Татищева. Приводя тѣ же основанія, которыя приводилъ и Миллеръ, онъ полагаетъ конецъ Несторовой лѣтописи приблизительно около 1110. Вотъ его подлинныя слова: „Татищевъ думалъ—говоритъ онъ въ примѣч. 213 къ II т.,—что Несторъ писалъ только до 1094 г., или до мѣста, гдѣ поставленъ „аминь“; но сего амина нѣтъ въ древнихъ спискахъ, ни въ самыхъ новѣйшихъ, Никоновскомъ и другихъ подобныхъ; впрочемъ, онъ и не могъ-бы служить доказательствомъ. Напротивъ того, ясно видимъ, что Несторъ писалъ еще въ 1096 году, говоря (лѣт. 6604): „намъ сущимъ по веліямъ почивающимъ“ (въ Лаврѣ), ибо дру-

⁽¹⁾ *Ист. Гос. Рос.*, изд. Эйнерлинга, кн. I (томы I—IV), Спб., 1842, стр. XV.

гаго печерскаго лѣтописца не знаемъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 г., подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: Игуменъ Сильвестръ св. Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимирѣ, князю ему Киевѣ, а миѣ въ то время игуменащу у св. Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже кто чтетъ книги сія, то буди ми въ молитвахъ. Итакъ, здѣсь былъ перерывъ... Но Карамзинъ не согласенъ съ своими предшественниками (Татищевымъ, Миллеромъ и Шлецеромъ) во взглядѣ на Сильвестра: по его мнѣнію Сильвестръ былъ не продолжателемъ Нестора, какъ полагали тѣ, а только переписчикомъ его лѣтописи. „Многіе — замѣчаетъ онъ — изъ слова „написахъ“ (написахъ книги си лѣтописецъ) заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего игумена вторымъ нашимъ древнимъ лѣтописцемъ; но тутъ написахъ значить списалъ: въ концѣ многихъ рукописныхъ евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такіа подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ епископъ Переяславскій) былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ-бы шести лѣтъ (отъ 6618; 1110—1116) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ много, для насъ безыменнаго челоуѣка. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безыменный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе“^(*). Такимъ образомъ, около 1110 года Карамзинъ въ лѣтописи видитъ перерывъ, что даетъ ему основаніе отнести къ этому времени конецъ лѣтописи самого Нестора. Сильвестръ въ 1116 году списалъ эту лѣтопись, но не продолжалъ ее (иначе онъ не слѣдалъ-бы пропуска въ 6 лѣтъ): первое продолженіе Несторовой лѣтописи принадлежитъ рукѣ неизвѣстнаго, а потомъ съ 1125—27 г. характеръ лѣтописи опять измѣняется: разсказъ дѣлается гораздо подробнѣе... О слѣдующемъ продолжателѣ Нестора Татищевъ между прочимъ, какъ мы видѣли, замѣтилъ, что продолжатель этотъ, очевидно, „былъ на Волы-

(*) *Ист. Гос. Рос.*, т. II, прим. 213.

ни или въ Киевѣ, понеже часто восточную страну Днѣпра къ Чернигову за Киевомъ и за Днѣпромъ именуется“; Карамзинъ вполне подтвердилъ эту догадку, отыскавъ случайно *Вольнскую летопись* ⁽³⁾. Въ одномъ мѣстѣ летописи онъ отыскалъ даже имя этого летописца: въ прим. 184, II т., онъ приводитъ извѣстіе изъ Пушкинскаго (Лавр.) Хлѣбниковаго, Ипатьевского и другихъ списковъ: „Да се, Василю, плю ты, иди къ Василькови, тезу (тѣсѣ) своему“. Слѣдовательно, заключаетъ Карамзинъ, — это писано *Василіемъ*. „Этого Василія онъ и считаетъ вторымъ, извѣстнымъ намъ по имени, летописцемъ русскимъ; онъ жилъ также въ концѣ XI в. ⁽⁴⁾. „Сей Василій, продолжаетъ онъ въ томъ же прим. — будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно, — дополнилъ Нестора, зналъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія отъ чего вышли повторенія“ ⁽⁵⁾. Всѣ иные летописцы — говоритъ Карамзинъ о дальнѣйшихъ продолжателяхъ Нестора, остались для насъ безъ имени и; можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: напр., одинъ въ Новгородѣ, іерей посвященный еп. Нифонтомъ въ 1144 году; другой во Владимирѣ на Клязьмѣ при Всеволодѣ Великомъ; третій въ Киевѣ современникъ Рюрика II; четвертый въ Волыни около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ. Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но къ счастью не вымышляли, и достовернѣйшіе изъ летописцевъ иноземныхъ согласны съ ними“ ⁽⁶⁾. Въ примѣч. 288, II тома, 24, 36, 153—III-го, 175 — IV-го т., Карамзинъ приводитъ свидетельства изъ летописей, указывающія на ихъ мѣстныхъ авторовъ.

V. Строевъ (1796 — 1876) и Розенкампфъ.

Спустя 4 года послѣ изданія I тома „Исторіи“ Карамзина, литература о русскихъ летописяхъ обогатилась чрезъ

⁽³⁾ *Ист. Гос. Рос.*, т. I, пред., стр. XVI.

⁽⁴⁾ *Ист. Гос. Рос.*, т. I, пред., стр. XV.

⁽⁵⁾ *Ист. Гос. Рос.*, т. II, примѣч. 184.

⁽⁶⁾ *Ист. Гос. Рос.*, т. I, предисл., стр. XVI.

вычайно важнымъ приобрѣтеніемъ: въ 1820 г. археологъ П. М. Строевъ издалъ „Собѣйствій Временникъ“ (Москва, 1820; 2 ч.), присоединивъ къ своему изданію замѣчательное предисловіе, въ которомъ высказываетъ совершенно новый взглядъ на общій составъ древнихъ нашихъ лѣтописей.

„Честь перваго бытописателя русскаго — пишетъ Строевъ — принадлежитъ Нестору, монаху Кіево-Печерскаго монастыря, жившему во второй половинѣ XI ст. Подражая византійскимъ писателямъ хроникъ, онъ составилъ „Историческій Временникъ“, въ которомъ довольно обстоятельно описалъ начало государства и дѣла князей, жившихъ въ первыхъ трехъ вѣкахъ по его основаніи. Будучи очевиднымъ свидѣтелемъ однихъ позднѣйшихъ событій, онъ долженъ былъ древнѣйшія изъ нихъ описывать по преданію, или по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ письменнымъ. Таковы Договоры князей — Олега, Игоря и Святослава съ греками. Но Временникъ его не дошелъ до насъ въ видѣ отдѣльномъ. Въ историческихъ сборникахъ онъ сливается съ записками своихъ продолжателей. По сей-то причинѣ испытатели исторіи не согласны въ точномъ опредѣленіи времени, до котораго доведенъ былъ трудъ Нестора; вообще полагаютъ, что онъ прекратилъ его въ первомъ десятилѣтіи XII вѣка. Продолжателями и даже дополнителями Временника Несторова, отъ исхода XI стол. до половины XVI, были безъ сомнѣнія весьма многіе. Сии трудолюбивые бытописатели, люди болѣе духовные, тщательно записывали важныя и не важныя событія, коихъ болышею частію были они очевидцами, или о которыхъ знали по слухамъ, кажется, достовернымъ. Монахи среднихъ вѣковъ, сочинители хроникъ во всей Европѣ, по набожному смиренію, скрывали имена свои; то же самое было въ обыкновеніи и у нашихъ бытописателей. Занимаясь работою болѣе для себя и своихъ современниковъ, нежели для потомства, часто изъ одного подражанія, безъ всякаго домогательства на авторскую славу, вовсе имъ неизвѣстную, они не передали намъ никакихъ свѣдѣній о самихъ себѣ, и имена ихъ остаются въ неизвѣстности. Позднѣйшіе сборщики сберегли разсѣянные труды сихъ дѣятельныхъ писцовъ; но не почтили ихъ памяти должнымъ воспоминаніемъ. Мы не можемъ даже означить предѣловъ, гдѣ каждый изъ нихъ

начиналъ, чѣмъ оканчивалъ, и что именно принадлежить тому или другому“... Формулировавъ такимъ образомъ все то, что было добыто по этому вопросу всѣми предшествовавшими трудами,—авторъ продолжаетъ: „Временникъ Нестора и труды его продолжателей не извѣстны намъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ отдѣльныхъ. Можетъ быть, они уже навсегда потеряны. До насъ дошли одни сборники, болѣе или менѣе полные, обстоятельные или краткіе. Древнѣйшій изъ нихъ такъ называемая Пушкинская или Лаврентьевская (1377 г.) лѣтопись оканчивается 1303 годомъ; другіе продолжаются до XV, самые послѣдніе за половину XVI вѣка“⁽¹⁾. И затѣмъ, нѣсколько дальше, продолжаетъ: „Мы не знаемъ, кто первый началъ собирать сіи отдѣльныя бытописанія; но, какъ кажется, сборники ведутъ свое начало отъ времени близкихъ къ Нестору. Нельзя отнять чести перваго лѣтописателя у сего печерскаго инокъ; но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ, ему современныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи, были люди, безъ сомнѣнія, столь-же любопытные какъ и Несторъ; да и самые правители областей не могли ли записывать примѣчательнѣйшихъ событій, кои въ нихъ случались? Руководствуясь, вѣроятно, подобными записками, первые продолжатели Нестора прибавили къ нему нѣкоторые частные случаи, другіе пополнили недостатокъ въ подробностяхъ; а смѣлые коснулись и самаго слога. Иначе откуда произошли тѣ многочисленныя разнословія и вставки, кои находятся въ самомъ началѣ сборниковъ, особенно новгородскихъ, тамъ, гдѣ мы полагаемъ одинъ только Временникъ Нестора? Слѣдующіе затѣмъ бытописатели повѣствовали происшествія имъ современныя; но касаясь предварительно событій минувшихъ, они должны были заимствовать извѣстія у своихъ предшественниковъ и выписывали ихъ вполнѣ, или сокращенно. Весьма естественно, что они занимались болѣе частными случаями своихъ областей, а о томъ, что происходило въ отдаленіи, они знали только по слухамъ и потому повѣствовали кратко, или

⁽¹⁾ *Соборный Временникъ*, ч. I, М. 1820, предисл., стр. VI—VIII.

вовсе умалчивали. Каждый вѣкъ и каждое значительное княжество имѣло своихъ, почти непрерывныхъ, бытописателей; даже и въ нѣкоторыхъ обителяхъ вели частныя монастырскія записки. Изъ сихъ-то отдѣльныхъ бытописаній составлялись по временамъ общіе сборники. Но собиратели ихъ, хотя трудолюбивые и ревностные, были большею частью люди безъ всякаго просвѣщенія. Потерявъ изъ разныхъ источниковъ, они вносили въ свои сборники только то, что, по ограниченному ихъ понятію и обстоятельствамъ мѣстнымъ, казалось имъ любопытнымъ: иное пропускали и сокращали, иное помѣщали вдвойнѣ, а иное располагали по своему, безъ строгаго различія и порядка (*). Другіе выбирали изъ нихъ перечни, которые снова входили въ составъ сборниковъ, не столько подробныхъ. Такимъ образомъ, мало по малу образовались громады историческихъ матеріаловъ, которыя извѣстны у насъ подъ общимъ названіемъ лѣтописей и лѣтописцевъ. Будучи составлены изъ повѣствованій достовѣрныхъ, сии лѣтописи носятъ на себѣ явную печать истины; но, искаженные вліяніемъ времени и невѣжествомъ собирателей и переписчиковъ, онѣ представляются намъ въ видѣ бытописаній невѣрныхъ, запутанныхъ и несогласныхъ между собою. Непрерывная нить сихъ сборниковъ продолжается до шестидесятихъ годовъ XVI вѣка (**).

Весьма интересна также статья Строева „О византійскомъ источникѣ Нестора“, напечатанная нѣсколько позднѣе, въ „Трудахъ и лѣт. Общества Ист. и древн. Росс.“, ч. IV, кн. I, стр. 167—183.

„Знаменитый А. Шлецеръ,—говоритъ авторъ въ началѣ своей статьи,—занимался изслѣдованіемъ Несторова Времени-

(*) Примѣч. Строева: „Къ нѣкоторому поясненію компіляціи сего рода можетъ служить рукопись, хранящаяся въ богатой бібліотекѣ графа Ѳ. А. Толстова, въ отд. II, подъ № 341. Владѣтель сей книги, Волоколамскаго монастыря игуменъ Евфимій, умершій въ 1589 году, собралъ болѣе ста грамотъ, посланій, историческихъ и другихъ отрывковъ, относящихся наиболѣе къ церковнымъ событіямъ XV и XVI вѣковъ: нѣкоторые изъ нихъ переписалъ своеручно, другіе вставилъ въ черновыя копіяхъ и вдвойнѣ, а духовнику наставника своего, новгородскаго архіепископа Феодосія, внесъ подлинникомъ; сплелъ все сіе вмѣстѣ и, приставивъ предварительное сказаніе (предисловіе), завѣщавалъ хранить свой сборникъ въ бібліотекѣ монастырской.“

(**) Собр. Врем., I, пред., стр. IX—XI.

нива, замѣтилъ, что нѣкоторые извѣстія, въ немъ встрѣчающіяся, навѣрно выписаны изъ византійскихъ хроникъ. Въ извѣстномъ сочиненіи: Nestor, Russische Appa-
 len—онъ раскрылъ свое мнѣніе подробно и указалъ нѣкоторые мѣста сходныя; но, сколь ни старался, не могъ разрѣшить вопроса: кто именно изъ византійцевъ служилъ руководствомъ и источникомъ русскому лѣтописателю? Сперва онъ предложилъ трехъ: Синкелла, безыменнаго автора Пасхальной хроники и Кедрина; потомъ ограничился послѣднимъ; наконецъ заключилъ слѣдующее: „быть можетъ, кому нибудь удастся найти еще иного византійца, съ которымъ Несторъ согласуется болѣе, нежели съ Кедринимъ“ (‘)... Вотъ эту-то находку и удалось сдѣлать Строеву. „Въ самомъ Несторѣ, говоритъ дальше авторъ, — т. е., въ единообразномъ началѣ нашихъ лѣтописей,—ясно указывается византійскій источникъ, воимъ онъ пользовался. Описание нравовъ древнихъ народовъ имѣетъ начало: „глаголетъ бо Георгій въ лѣтописаніи“..—и затѣмъ слѣдуетъ довольно большая выписка. Это зналъ и Шлецеръ. Стоило разыскать, кто сей Георгій, и дѣло было бы окончено. Но не всѣ ларчики открываются просто. Ни удивительная начитанность Шлецера, ни его поднотное знаніе византійскаго хронизма, ни даже рѣдкія пособія Геттингенской библіотеки, ничто не помогло открытію таинственнаго Георгія и ясное свидѣтельство русскаго лѣтописателя обратилось въ загадку. Послѣ усиленнаго розыска, Шлецеръ заключилъ, что слово „Георгій“ вставлено невѣждою-писцомъ; а оное мѣсто должно читать такъ: глаголетъ бо Кесарій, братъ великаго Григорія; ибо Кедринъ ссылается на Кесарія... Вотъ какія заключенія выходили иногда у великаго въ критикахъ (‘)!“ Но чего не удалось, послѣ долгихъ розысканій, открыть Шлецеру, то нашелъ случайно Строевъ. Разбирая древнія славянскія рукописи, Строевъ случайно попалъ на древній славянскій переводъ одной хроники; переводъ имѣлъ заглавіе: „*Временникъ въпросъ отъ различныхъ хронографъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ ирпшнымъ монахомъ*“.

(‘) *Труды и лѣтописи Общества Исторіи и древностей Россійскихъ*, ч. IV, кн. I, М., 1828, стр. 167—168.

(‘) *Труды и лѣтописи*, IV, кн. I, стр. 168—169.

При болѣе тщательномъ изслѣдованіи рукописи и сравненіи ея съ лѣтописью, оказалось, что этотъ „Георгій грѣшный“ — тотъ самый Георгій, на котораго ссылается Несторъ и выдержки изъ коего приводитъ въ своей лѣтописи. Сличая лѣтопись Нестора съ этой переводной хроникой, Строевъ нашелъ у Нестора семь мѣстъ буквально сходныхъ съ такими же у Георгія. Эти мѣста слѣдующія: „1) о нравахъ древнихъ народовъ, 2) дѣлежъ міра между сыновьями Ноя, 3) о волхвѣ Аполлоніи, 4) о звѣздѣ Лампадіи, 5) объ уродливомъ дѣтищѣ и шестиногомъ псѣ, 6) о набѣгѣ Аскольда и Дира на Царьградъ, 7) о разбитіи греками Игоря“. Кромѣ буквальныхъ заимствованій, въ Несторовой лѣтописи оказалось много передѣлокъ изъ той-же хроники: часто нашъ лѣтописецъ, взявъ изъ Георгія извѣстное мѣсто, только нѣсколько измѣнивъ его, приновляетъ къ своему предмету. Какъ на примѣръ такой передѣлки изъ Георгіевой хроники, Строевъ указываетъ на рассказъ Нестора о Ламехѣ. „Даже можно — прибавляетъ онъ дальше — разложить весь рассказъ философа-анонима, повѣствующаго св. князю Владимиру библейскую исторію. Это сотканіе отрывковъ въ удостовѣрять, что не св. Писаніе, во времена Нестора едва-ли вполнѣ переведенное, но тотъ-же Георгій руководствовалъ нашего лѣтописателя въ семь случаевъ: иначе, откуда такое несходство (въ переводѣ) текстовъ, приводимыхъ Несторомъ, съ находящимися въ Библии (?)?“

Что касается до того, кто былъ этотъ открытый имъ Георгій и существуетъ ли онъ гдѣ нибудь въ подлинникѣ, — Строевъ приводитъ мнѣніе Ф. И. Круга и др., что „Георгій грѣшный“ есть никто другой, какъ Георгій Амартолъ, византійскій писатель, сочиненія котораго еще не изданы.

Въ самомъ концѣ статьи авторъ говоритъ: „Не могу не прибавить слѣдующаго замѣчанія. Въ началѣ нашихъ лѣтописей такъ мало отечественныхъ сказаній, что исключивъ топо-этнографію древней Россіи, три договора и нѣкоторыя сказки, все остальное — почти византійское. Самая хронологія, сія основа бытій, равно не собственной системы печерскаго инока. Сколь важное лицо у него является императоръ Михаилъ, единственно отъ того, что при

(*) *Труды и лит.*, стр. 171.

немъ византійцы впервые упоминають о Россѣхъ... Устное преданіе мало руководствовало Нестора, домашнихъ источниковъ на письмѣ не было, оставалось одно: придерживаться византійцевъ". Исслѣдователь даже думаетъ, что и „описанія первыхъ походовъ на Царьградъ (907 и 945 гг.) и самые договоры" заимствованы Несторомъ изъ какой-нибудь, не открытой еще или уже погибшей, хроники византійской, и заключаетъ: „начало Временника Нестора неоспоримо — пересажденіе византійское" ('). Замѣтимъ, въ этихъ словахъ вѣетъ уже нѣсколько инымъ духомъ; Строевъ здѣсь открыто противорѣчитъ высказанному имъ-же самимъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, мнѣнію о существованіи въ Россіи до Нестора письменныхъ историческихъ источниковъ: см. выше приведенное мнѣніе его изъ предисловія къ „Софійск. Врем.". Позднѣе онъ, какъ увидимъ, совершенно измѣнилъ свой взглядъ на древнія русскія лѣтописи.

Въ видѣ приложенія, Строевъ присоединяетъ къ своей статьѣ семь отрывковъ изъ открытой имъ хроники Георгія, буквальное сходство которыхъ съ лѣтописью онъ указалъ въ статьѣ.

Необходимо упомянуть также о трудахъ бар. Розенкампфа. Въ 1828 г. въ Тр. Общ. И. и Др., т. IV, вмѣстѣ съ статьей Строева, была помѣщена и его статья: „Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи", въ которой онъ касается между прочимъ и вопроса объ источникахъ древней нашей лѣтописи. Находка Строева побуждаетъ его къ болѣе крайнимъ выводамъ. „Каждая страница начала такъ наз. Несторовой лѣтописи — говоритъ онъ — убѣждаетъ насъ, что почти всѣ происшествія описаны изъ византійцевъ, исключая токо нѣкоторыхъ, собственно русскія преданія и свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, кои однакожь также могли быть заимствованы изъ болгарскаго и греческаго подлинника"... По этому, по его мнѣнію, прежде всего нужно „изслѣдовать настоящіе — болгарскіе и

(') *Труды и лит.*, стр. 174—176.

греческіе источники первых листов нашего Нестора" (¹)... Выказавши въ этой статьѣ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ, авторъ съ бѣльшей опредѣленностью говоритъ объ этомъ въ своемъ трудѣ „Обзорніе Кормчей книги“ (1829). Взглядъ его на образованіе нашей древней лѣтописи въ этомъ изслѣдованіи сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Первая часть Несторовой лѣтописи изложена почти подлинными словами византійцевъ (съ царствованія Михаила до XI вѣка), и первообразъ этого изложенія неоспоримо занесемъ къ намъ изъ Болгаріи...

2. Къ сему первообразу пр. Несторъ и продолжатели его присовокупили нѣкоторые повѣствованія, сбереженные народными преданіемъ, равно какъ и замѣтки о внутреннемъ состояніи Россіи,—хотя, впрочемъ, послѣднія могли находиться и въ византійскихъ хроникахъ, чему лучшимъ доказательствомъ творенія Константина Багрянороднаго, обилующаго ими.

3. Это общее начало переписчики, разбѣянные по различнымъ областямъ Русской земли, дополнили современными и извѣстіями...

4. Не должно терять изъ виду, что первые лѣтописатели всѣхъ народовъ, новообращенныхъ къ христіанской вѣрѣ, проявляютъ одинаковый отличительный характеръ, т. е. занимаются предпочтительно тѣмъ, что касается церкви и іерархіи, о событіяхъ же гражданскихъ говорятъ кратко, какъ-бы мимоходомъ: нельзя и ожидать отъ нихъ иного воззрѣнія на предметы, потому что они—духовныя особы, чаще монахи.

5. Съ теченіемъ времени списки лѣтописей умножились, распространились по цѣлой Россіи, въ составленіи ихъ участвовали люди разныхъ сословій, а по сему и не удивительны отмыны, усматриваемыя въ текстѣ, слогъ и правописаніи, повятны сокращенія и пропуски, ибо все зависѣло отъ образцовъ, съ коихъ снимались копіи, и отъ требованія тѣхъ лицъ, для которыхъ онѣ дѣлались (²)...

(¹) *Труды и лит.*, IV, кн. I, стр. 142—143.

(²) *Обзорніе Кормчей книги*, 1829, примѣч., стр. 1—5.

VI. Скептическая школа: Каченовскій (1775—1842) и его послѣдователи; возраженія противъ нея: Погодинъ (1800—1875) и Бутковъ (1775—1857).

Таковы были изслѣдованія о древнихъ нашихъ лѣтописяхъ до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, до появленія у насъ такъ называемой скептической школы. Увлечаясь блестящими открытіями Нибура въ области римской исторіографіи, русскіе ученые вздумали примѣнить приемы сего критики и къ русской исторіи. Конечно, прежде всего ихъ „критическому ножу“ должны были подпасть наши лѣтописи. Мы постараемся съ большею или меньшею подробностью указать относящіеся сюда труды.

Начнемъ съ основателя школы, проф. М. Т. Каченовскаго.

Уже въ сочиненіяхъ: „*О кожаныхъ демагахъ*“⁽¹⁾ и „*Мой взглядъ на Русскую Правду*“⁽²⁾. Каченовскій высказывалъ сомнѣнія относительно подлинности многихъ древнихъ памятниковъ Русской исторіи и въ особенности Несторовой лѣтописи. Сомнѣнія эти, впрочемъ, выражались пока больше общими мѣстами. Такъ, въ первомъ сочиненіи авторъ жалуется на недостаточность у насъ исторической критики и на плохую провѣрку нашихъ лѣтописей, не дѣлая однако ни какихъ точныхъ указаній. „Отдѣляли-ли мы—спрашивать онъ здѣсь—показанія лѣтописателей о современныхъ происшествіяхъ отъ позднѣйшихъ переписчиковъ? Пользовались-ли мы пособіями Дипломатики при очищеніи достовѣрныхъ документовъ отъ подлоговъ?... Старались-ли мы обнаружить хронологическія тайны русскихъ лѣтописей?... Доказать весьма не трудно—продолжаетъ онъ—что извѣстія баснословныя мы съ важностью передаемъ своимъ читателямъ. Извѣстія ничтожныя о происшествіяхъ, не имѣющихъ связи ни съ предъидущимъ ни съ послѣдующимъ, охотно повторяетъ въ своихъ исторіяхъ. Иногда слѣпо вѣримъ хартіямъ XIV вѣка, даже гораздо позднѣйшимъ, симъ хра-

⁽¹⁾ Вѣстн. Евр. 1827—28. То же изслѣдованіе, нѣсколько измѣненное—въ Уч. Зап. Моск. унив., 1835 г.

⁽²⁾ Вѣстн. Евр., 1829, № 13—16. То же изслѣдованіе, съ дополненіями, въ Уч. Зап. Моск. унив., 1835 г.

илищамъ современныхъ вымысловъ, и основываясь единственно на ихъ свидѣтельствѣ, рассказываемъ о важныхъ и не важныхъ, ничѣмъ не подерѣваемыхъ событіяхъ вѣка XII и XI, даже X и IX“?.. Каченовскій указываетъ дальше, для примѣра, на Уставъ Владимира, на Скандинавію—источникъ разныхъ историческихъ сказаній, на хронологію, и наконецъ переходитъ къ нумизматикѣ, главному предмету своей статьи ⁽³⁾.

Болѣе существенное значеніе для нашей цѣли имѣетъ позднѣйшее сочиненіе Каченовскаго: „*О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи*“ (Уч. Зап. М. У—та, 1833, № 2 и 3). Здѣсь онъ подробно излагаетъ свой взглядъ и на лѣтописи русскія вообще и на Несторову въ частности. Статья начинается общими разсужденіями о сбивчивости свѣдѣній относительно первыхъ вѣковъ въ исторіи всякаго народа вообще. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ русской исторіи и останавливается на вопросѣ о достовѣрности Несторовой лѣтописи, какъ историческаго источника. Онъ самъ указываетъ на тѣ доказательства, которыя можно привести въ подтвержденіе ея достовѣрности, разбираетъ каждое изъ этихъ доказательствъ порознь и каждое порознь опровергаетъ. Выводя отсюда несостоятельность господствующаго мнѣнія о принадлежности дошедшихъ до насъ лѣтописей Нестору, авторъ, дальше, развиваетъ свой собственный взглядъ на нихъ, какъ на позднѣйшіе сборники, составленные впервыетолько въ XIII—XIV вв., и приводитъ доказательства такому выводу. Постараемся прослѣдить ходъ его мыслей.

Авторъ находитъ три доказательства, подтверждающія подлинность лѣтописи: 1) свидѣтельство печерскаго Патерика, 2) имя Нестора на пѣкоторыхъ спискахъ и 3) слова лѣтописателя о самомъ себѣ въ лѣтописи. Авторъ по порядку ихъ всѣ опровергаетъ. „Въ заглавіи Патерика печерскаго—говоритъ онъ—преп. Несторъ, пришедшій въ

⁽³⁾ Подробный разборъ этого сочиненія представляетъ Погодинъ въ I т. его *Исследованій, замѣчаній и лекцій*, стр. 334—346. Тамъ же разобрано и другое упомянутое сочиненіе Каченовскаго о Русской Правдѣ, въ которомъ авторъ старается доказать подложность этого памятника (стр. 235—255). См. также исследование проф. В. С. Иконникова: *Скелетическая школа въ русской историографіи и ея противники*. Кіевъ, 1871, стр. 25 sqq.

монастырь къ Оеодосію околѣ 1073 г., названъ лѣтописцемъ руссійскимъ. Дѣйствительно, былъ печерскій лѣтописецъ Несторъ: слѣдуетъ-ли изъ сего, что сборники, дошедшіе до насъ въ позднѣйшихъ и разногласныхъ спискахъ, принадлежатъ ему? Вѣренъ-ли силлогизмъ—продолжаетъ онъ: былъ въ XI в. лѣтописецъ Несторъ, о коемъ нѣтъ современныхъ извѣстій, и коего сочиненій мы не знаемъ; есть лѣтописи, составленныя не извѣстно кѣмъ, гдѣ и когда; слѣдовательно, онѣ составлены Несторомъ, въ Кіевѣ, въ XI столѣтіи“?... —Возраженіе это, въ сущности, справедливо. Дѣйствительно, изъ сличенія свидѣтельства Патерика съ извѣстными мѣстами лѣтописи можно заключать только о существованіи въ XI—XII в. какого-то русскаго лѣтописателя Нестора; но что этому лѣтописателю и принадлежитъ на самомъ дѣлѣ дошедшая до насъ лѣтопись — заключеніе, не оправдываемое посылками. Эту мысль развивалъ позднѣе проф. Казанскій въ своей статьѣ: „*Еще вопросъ о Несторѣ*“ (Временникъ, 1849, № 1, стр. 23—31).—Покончивши съ доказательствомъ, основаннымъ на сличеніи свидѣтельства Патерика съ извѣстіемъ изъ лѣтописи, Каченовскій переходитъ ко второму доказательству, основанному на имени Нестора въ нѣкоторыхъ спискахъ. „Если бы дошедшіе до насъ списки—говоритъ онъ—были почерпнуты изъ Временника Несторова; имя его находилось бы на всѣхъ или хотя на многихъ, а не на двухъ или трехъ, и то не первоклассныхъ спискахъ... Во вторыхъ: позднѣйшій сборщикъ, зная о древнемъ лѣтописцѣ пр. Несторѣ, могъ поставить сіе имя въ заглавіе своего сборника, дабы тѣмъ придать ему болѣе важности въ глазахъ современника“. Такимъ образомъ и имя Нестора, находящееся на нѣкоторыхъ спискахъ, не можетъ, по мнѣнію Каченовскаго, служить доказательствомъ дѣйствительной принадлежности ея Нестору: имя это въ заглавіи вставлено уже въ позднѣйшее время; принадлежитъ оно самому подлиннику, его помѣщали бы на всѣхъ спискахъ; позднѣйшее же его появленіе можетъ объясняться просто желаніемъ составителя придать своему сборнику болѣе авторитета именемъ древняго лѣтописца.—Эти доводы нашего критика, впрочемъ, не совсемъ убѣдительны: онъ самъ признаетъ преданіе о Несторѣ, какъ древнемъ лѣтописцѣ, а оно должно же было основываться на чемъ нибудь. Что же касается до того, что

имя Нестора должно было стоять и въ подлинникѣ, а отсюда перейти и во всѣ списки, то самая мысль эта, какъ справедливо тогда же возражалъ Кубаревъ (*), невѣрна: извѣстно, что наши древніе авторы не выставяли своихъ именъ на сочиненіяхъ, такъ какъ это не согласовалось бы съ ихъ смиреніемъ. — Третьимъ доказательствомъ авторъ выставяетъ указанія самой лѣтописи о прибытіи лѣтописателя въ монастырь и объ открытіи, при его участіи, мощей преп. Θεодосія. По мнѣнію критика, и это можно объяснить иначе: „По многимъ признакамъ мѣста сии можно считать вставками изъ какихъ нибудь монастырскихъ записокъ, составленныхъ первоначально, можетъ быть, и дѣйствительно пр. Несторомъ, и въ XI ст.“. Вотъ причины, заставляющія изслѣдователя такъ думать: „а) первое изъ сихъ повѣствованій находится не во всѣхъ спискахъ, и неуваженіе многихъ сборщиковъ доказываетъ, что они знали источники онаго и не хотѣли повторять не у мѣста; б) оба сии извѣстія не имѣютъ никакой связи ни съ предыдущими ни съ послѣдующими сказаніями лѣтописей“.

Опровергнувши всѣ доказательства въ пользу древности Несторовой лѣтописи, авторъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ предметъ. По его мнѣнію, дошедшія до насъ русскія лѣтописи IX—XI ст. суть сборники XIII и даже XIV ст.,—коихъ источники большею частью намъ не извѣстны; домашніе, древнѣйшіе (только не лѣтописи XI ст.) предполагаются, а о внѣшнихъ современныхъ и древнихъ не сдѣлано еще надлежащаго разысканія... Онъ дальше приводитъ слѣдующія доказательства высказаннаго:

1) „Мы не имѣемъ списковъ древнѣе XIV ст., и сии поздніе остатки старины во многомъ разногласны“. Онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе Эверса: „Возстановленіе истиннаго Нестора... остается по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, если нѣтъ надежды открыть какую-нибудь древнѣйшую рукопись, которая бы, являя всѣ признаки подлинности, заключала его одного, и потому могла-бы считаться вѣрнымъ спискомъ“. Мысль, конечно, вполне справедливая.

(*) Кубаревъ. *Несторъ и пр. Рус. Ист. Сборн.*, IV, стр. 367—417.

2) „Могъ-ли Несторъ, приводитъ авторъ слова Шлецера, — монахъ XI ст., — написать что-нибудь хоть нѣсколько похожее на дошедшіе до насъ сборники? Въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ онъ—не прошло еще ста лѣтъ отъ введенія христіанской вѣры, когда монахи и другіе духовные (въ небольшомъ числѣ) составляли, такъ сказать, еще первое поколѣніе грамотныхъ,—и уже является систематическое сочиненіе!“...—Припомнимъ, что и самъ Шлецеръ поставленный имъ вопросъ рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ; изслѣдованія же Буткова и другихъ совершенно устранили возраженія.

3) „При повѣствованіи о древнѣйшихъ событіяхъ находятъ современныя указанія и извѣстія, кои не могли быть сдѣланы и сообщены лѣтописцемъ XI в. Такъ напр., исчисляются народы, кои въ XI в. не могли быть извѣстны монаху Кіевскому“...—Мысль совершенно невѣрная. Подробныя указанія лѣтописца свидѣтельствуютъ только о его близости къ описываемому; указанный авторомъ фактъ требуетъ только предположить, что у нашего лѣтописателя (жившаго, допустимъ, въ XI ст.) были письменные источники, которыми онъ и пользовался. Предположенія Татищева, Миллера и Карамзина о существованіи у насъ какихъ-либо записокъ до Нестора совершенно устраняютъ возраженіе Каченовскаго, которое доказываетъ, напротивъ, наибольшую древность и достовѣрность Несторовой лѣтописи. Съ этой цѣлью и приводилъ эту мысль позднѣе Погдинъ.

4) „Такъ много неумѣстныхъ вставокъ, что сборники сіи представляются компіляціями изъ позднѣйшихъ частей, перемѣшанными съ нелѣпѣйшими баснями и выдумками“.—Многочисленность вставокъ въ лѣтописи можетъ свидѣтельствовать только о томъ измѣненіи, которому подверглась съ теченіемъ времени древняя наша лѣтопись, но не касается вопроса о ея подлинности.

5) „Не вѣрно лѣтосчисленіе“... — Укоръ этотъ можетъ относиться лишь къ самому ничтожному количеству лѣтописныхъ датъ.

6) „Одни и тѣже событія описаны двумя, иногда и тремя различными образами“.—Замѣчаніе это относится уже не къ Нестору, а къ его продолжателямъ.

Послѣ изложенныхъ соображеній, авторъ заключаетъ: „Если допустить невѣроятное мнѣніе о древности смѣхъ сборниковъ; то все-таки отъ основанія государства до перваго лѣтописца протекло слишкомъ два вѣка. Письменныхъ памятниковъ у народа безграмотнаго предполагать невозможно: слѣдовательно, до конца XI ст. всѣ повѣствованія лѣтописей основаны на преданіяхъ, уже искаженныхъ въ устахъ четырехъ или болѣе поколѣній, на повѣстическихъ (часто самыхъ нелѣпыхъ) вымыслахъ, свойственныхъ всѣмъ младенчеству народамъ... Если же—продолжаетъ онъ—принять, что сборники сіи (какъ и вѣроятно и справедливо) составлены не ранѣе XIII или даже XIV в., и, кромѣ предполагаемыхъ записокъ XII в., не имѣли другихъ домашнихъ письменныхъ памятниковъ,—то должно допустить преданія, еще болѣе искаженные, и вымыслы, еще болѣе нелѣпые, коими компиляторы старались замѣститъ недостатокъ положительныхъ свѣдѣній“... А если древнія наши лѣтописи не достовѣрны, то — не достовѣрна и самая исторія наша древнѣйшаго времени (4).

Съ такимъ же характеромъ являются разсужденія о нашихъ лѣтописяхъ и въ сочиненіяхъ послѣдователей Каченовскаго; ко всему, сказанному имъ, отъ себя они прибавили не много. Всѣ они приходятъ къ тѣмъ же заключеніямъ, основываясь при этомъ часто на однихъ и тѣхъ же послѣдкахъ. Первыхъ послѣдователей себѣ Каченовскій нашелъ въ средѣ своихъ слушателей, студентовъ Московскаго университета, которые въ своихъ диссертацияхъ стали развивать взгляды профессора. Всѣ труды этого рода, какъ написанные болѣею частью для полученія той или другой ученой степени, помѣщались въ Уч. Зап. М. Ун. (1833—35). Таковыми были: „О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи со Всеобщей“ (1833), „О первоначальномъ заселеніи Новгорода“ (1833), „О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы при Іоаннѣ III“ (1834) и т. п. (5).

(4) Погодинъ *Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи*, I, М., 1846, стр. 324—360 и слѣд. В. С. Иконниковъ, *Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники*, Кіевъ, 1871, стр. 25—50.

(5) Объ этихъ трудахъ см.: Погодина, *Изслѣд., зам. и лекціи*, I, стр. 324—446. В. С. Иконникова, *Скептическая школа*, стр. 50—55.

Въ число первыхъ послѣдователей Каченовскаго мы должны помѣстить также и уже упоминавшагося у насъ П. М. Строева. Его согласіе съ взглядами Каченовскаго тѣмъ замѣчательнѣе, что не задолго до того, въ своихъ статьяхъ онъ, какъ мы видѣли, говорилъ о нашихъ лѣтописяхъ совершенно иначе. Впрочемъ, — какъ было тамъ же замѣчено нами, уже въ концѣ статьи „О византійскомъ источникѣ Нестора“ начинается чувствоваться иной взглядъ на лѣтописи, чѣмъ какой высказывался въ „предисловіи“... Теперь измѣненіе взгляда окончательно формулируется и Строевъ становится открытымъ сторонникомъ Каченовскаго.

Въ 1834 году Строевъ возвратился изъ археографической экспедиціи. Первымъ результатомъ этой поѣздки была его статья, которую онъ напечаталъ въ Жур. Мин. Нар. Просв.: „Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной Исторіи, Литературы, Правосудія, до начала XVIII столѣтія. Извлечено изъ портфелей Археографической Экспедиціи, содержащихъ въ себѣ матеріалы къ Исторіи Литературы Славяно-Россійской^(*)“. Статья эта впрочемъ только нѣсколькими строками касается лѣтописи Нестора. Авторъ представляетъ хронологическій обзоръ древнихъ письменныхъ памятникѣвъ, съ указаніемъ времени, къ которому относятся дошедшіе до насъ ихъ списки. Онъ начинается съ свв. Кирила и Меодія и доводитъ свой перечень до XVIII вѣка. Вся статья состоитъ изъ 256 §§. изъ нихъ въ §§ 5, 21 и 39 авторъ говоритъ о русскихъ лѣтописяхъ. Параграфы эти такъ кратки, что мы приведемъ ихъ сполна:

„§ 5. Много писано въ новѣйшее время о Несторѣ, монахѣ кіевопечерскомъ, лѣтописателѣ; но критика не довольствуется гипотезами (въ примѣчаніи дѣлается ссылка на І-й т. Плецерова „Нестора“). Да и гдѣ *Лѣтопись Несторова*? Ужели въ сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ, въ коихъ она будто бы образуетъ начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнѣніе доселѣ всеобщее указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей Исторіи.

Не болѣе можно сказать о Васи́лѣ, Сильвестрѣ и другихъ будто-бы продолжателяхъ Нестора.

(*) Журн. Мин. Нар. Просв., 1834, февраль, стр. 152—188.

Но монаху Нестору конечно принадлежать: *Житіе св. Θεодосія и Сказаніе о князяхъ Бористъ и Глѣбъ*. Первое вошло въ Патерикъ, второе встрѣчается въ сборникахъ. Позднѣйшія поправки слишкомъ явны“.

„§ 21. Іоаннъ священникъ и Тимоѣей пономарь, лѣтописатели новгородскіе (подъ 1230 г.) входятъ въ категорію § 5.

„§ 39. Лаврентій, монахъ Суздальскій, написалъ (собралъ?) въ 1377 году *Лѣтописецъ Русскій*, оканчивающійся 1305 годомъ. Это древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ сборниковъ лѣтописныхъ: самые поздніе продолжаются до 1630 года. Частныя названія (лѣтопись *Кенигсбергская, Ипатъевская, Воскресенская, Царствѣнная, Никонская* и проч.) даны имъ недавно и произвольно. Немногіе напечатаны. Когда раздѣлять сіи сборники на роды и издадутъ какъ должно? иначе: что дѣлать съ ними въ сей критикѣ?“⁽¹⁾ Какъ ни кратки эти замѣчанія, но они ясно показываютъ въ авторѣ—иной взглядъ на предметъ, о которомъ онъ, за нѣсколько лѣтъ, говорилъ совершенно иначе.

Скептическія разсужденія встрѣтили въ нашей литературѣ сильныя возраженія. Наиболѣе сильнымъ противникомъ ихъ явился проф. М. П. Погодинъ. Въ 1834 г. въ „Библи для чтенія“ онъ сталъ печатать свои изслѣдованія о *Несторѣ*, которыми хотѣлъ, какъ самъ говоритъ—„бросить перчатку“ русскимъ скептикамъ. Изслѣдованія его шли совершенно наперекоръ ихъ взглядамъ. Авторъ на основаніи самыхъ лѣтописей не провержимо доказываетъ подлинность послѣднихъ. По своему научному достоинству, труды Погодина стоятъ неизмѣримо выше всего написаннаго до того времени по данному вопросу, и почти цѣликомъ приняты позднѣйшими изслѣдованіями. Авторъ ждалъ сильныхъ возраженій, но ихъ не послѣдовало; только С. С. Скроненко (псевд. Сергѣя Строева) напечаталъ нѣсколько статей въ „Сынѣ Отечества“ (1834 и 1835 гг.), стараясь отстоять взгляды своихъ товарищей. Погодинъ отвѣчалъ на возраженія, и съ

⁽¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1834, февр., стр. 153. 156. 158.

этимъ отвѣтомъ его изслѣдованія вышли, спустя пять лѣтъ, отдѣльнымъ изданіемъ (Москва, 1839 г.). Здѣсь же въ отдѣльной статьѣ: „*О скептическомъ повѣтріи*“ онъ подвергаетъ подробной критикѣ сочиненія представителей скептической школы.

Спустя два года, явилась другая книга въ защиту Несторовой лѣтописи. Въ 1840 году вышла книга Буткова: „*Оборона Несторовой лѣтописи*“, гдѣ онъ, независимо отъ Погодина, подвергаетъ самостоятельной критикѣ возраженія скептиковъ. Критическіе труды Погодина и Буткова, написанные съ большою эрудиціей, доказали неосновательность изъ большинства случаевъ возраженій скептической школы.

Не измѣняя принятаго нами хронологическаго порядка, переходимъ прежде всего къ изслѣдованіямъ Погодина, и возраженіямъ ему, сдѣланнымъ Скроненко; затѣмъ перейдемъ къ статьѣ Погодина „*О скептическомъ повѣтріи*“, какъ къ его отвѣту всей скептической школѣ, — наконецъ изложимъ результаты книги Буткова.

Въ своихъ изысканіяхъ Погодинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Сдѣлавши нѣсколько замѣчаній въ началѣ вообще о достовѣрности древней русской исторіи и древней русской лѣтописи, авторъ переходитъ къ точному опредѣленію мѣста и времени составленія первой русской лѣтописи. „Гдѣ положено основаніе нашимъ лѣтописямъ?“ спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „Безъ всякаго сомнѣнія, въ Кіевѣ“. Основаніемъ къ такому заключенію даетъ ему: а) самое заглавіе лѣтописи по древнѣйшимъ спискамъ, Ипатьевскому и Лаврентьевскому: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Къевѣ нача первѣе княжити“ и пр.; и б) общій тонъ и характеръ ея разсказа: „вся лѣтопись есть лѣтопись города Кіева по преимуществу“; по всей лѣтописи разбросано множество замѣтокъ, состоящихъ иногда изъ одного слова, — которыя обличаютъ въ авторѣ кіевлянина⁽¹⁾.

„Когда же было написано въ Кіевѣ это зачало?“ Авторъ думаетъ, что въ XI или по крайней мѣрѣ въ началѣ XII вѣка, и доказываетъ это слѣдующими соображеніями. Прежде всего, онъ указываетъ на приписку подѣ

(1) Погодинъ, *Извѣст., зам. и лекціи*, I, стр. 17—20.

6618 (1110): „Игуменъ Сильвестръ св. Михаила написахъ книги си лѣтописецъ“ и т. д. Для насъ пока все равно „списалъ“ или „написалъ“ — замѣчаетъ авторъ, имѣя въ виду различныя толкованія слова „написахъ“: если начало лѣтописи даже было списано въ 1110 году, то, значитъ, оно было сочинено по крайней мѣрѣ около того же времени. Съ другой стороны, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ (конецъ XI и начало XII в.) нельзя не видѣть въ лѣтописи нѣкотораго перерыва: въ лѣтописномъ разсказѣ является пропускъ нѣсколькихъ лѣтъ (съ 6618 = 1110 по 6624 = 1116), — описаніе пропущенныхъ лѣтъ слѣдуетъ уже послѣ приписки... Далѣе, съ 1125—27 гг. извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе, указывая какъ бы на другую руку. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ событія позднѣйшихъ лѣтъ XI в. описаны вдвойнѣ. Все это показываетъ, что около конца XI начала XII в. въ лѣтописи былъ перерывъ, и вмѣстѣ съ этимъ — служить доказательствомъ того, что начало лѣтописи написано было въ XI вѣкѣ. — Да и помимо этого, въ лѣтописи нельзя не видѣть современности описываемымъ въ ней событіямъ; въ лѣтописныхъ разсказахъ нельзя не видѣть голоса современника. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ годовъ, подъ которыми событія изложены съ явными признаками современности разсказчика⁽¹⁾. „Такія печальныя указанія о времени существованія того или другаго писателя — говоритъ авторъ, — встрѣчаются часто и послѣ: какъ одинъ лѣтописатель въ XI ст., о которомъ идетъ рѣчь теперь у насъ, сказалъ, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; другой, что нападеніе Половцевъ на Черскій монастырь было — „ему сущу въ дѣль почивающую“; третій, а можетъ быть тотъ же, что Полоцкой князь Весславъ (бывшій долго въ Кіевѣ) въ его время носилъ повязку на головѣ; четвертый, что онъ ходилъ смотрѣть на урода, пойманнаго рыбаками въ Кіевѣ, — такъ точно, послѣ сего XI ст., одинъ случайно говоритъ, что онъ былъ въ Ладогѣ; другой, что онъ былъ поставленъ священникомъ отъ епископа Нифонта въ Новѣгородѣ въ 1144

(1) Погодинъ указываетъ на разсказы подъ слѣдующими годами пологими и конца XI и нач. XII вв.: 1051, 1065, 1089, 1090, 1093, 1094, 1096, 1097, 1098, 1106 и т. д.

году, третій, въ 1146 году, что съ Игоремъ вторымъ въ Владимирѣ въ церехи часто пѣвалъ; четвертый, описавъ кончину Боголюбскаго, въ молитвѣ своей къ покойнику даетъ намъ знать о себѣ, что онъ жилъ въ княженіе его брата, Всеволода Георгіевича, въ концѣ XII столѣтія: „молися Богу помиловати князя нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта съ княгынею и съ благородными дѣтми, и мирну державу и царство“; а въ другомъ мѣстѣ: „не хотищимъ намъ (жителямъ Владимира) добра, завистью граду сему и живущимъ въ немъ“; пятый говорить, что въ 1180 году былъ пожаръ здѣсь (т. е. въ Кіевѣ), и потомъ, что Рюрикъ-Василій построилъ въ 1198 году каменную стѣну подъ церковью св. Михаила, стоявшею дотолѣ 111 лѣтъ: „благоволи Богъ, читаемъ въ лѣтописи, вдохнути мысль блгу великому князю Рюрикови-Василію: того бо лѣта іюля въ 10 день, въ суб., заложи стѣну каменну подъ церк. св. Михаила у Дѣвѣра, иже на Выдобици, о ней же мнози не дрѣзнуша помyslити отъ древнихъ, али но (не только) дѣлу ятися. Сто бо и одинадцать лѣтъ имать, отнелѣ же създана бысть, и мнозиі самодръжци преидоша, дрѣжаще столъ княженія Кіевск., отъ того же боголюбив. Всеволода, иже създа церковь ту (въ 1088 году)“; шестой, описавъ кончину Владимира Волынскаго въ 1829 году, призываніемъ его благословенія даетъ также разумѣть, что жилъ въ его время: „встани отъ гроба .., възведи очи, каковы ти чти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безъ памяти ты оставилъ братомъ твоимъ Мѣстиславомъ; востани и видь брата твоего красящаго столъ земли твоея. Къ сему же виждь и благовѣрную свою княгиню, како покланяется имени твоему“ и проч.... Всѣ сіи—продолжаетъ изслѣдователь—очевидно печальныя, такъ сказать оброченныя, а не умышленныя, не вставленныя указанія, по коимъ мы можемъ только угадывать время, и мѣсто жительства сочинителей, — одинаковы въ XI, XII, XIII, XIV столѣтіяхъ, подтверждаются одно другимъ, имѣютъ связь между собою, носятъ на себѣ одну печать истины, и равно достовѣрны. Подлога никакого не возможно предположить при нихъ. Источники подлоговъ бывають вотъ какіе: краснобай хочеть отличиться, убѣдить, тронуть; хвастунъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ славу, подать о себѣ высокое

мѣнѣ; плутъ, чтобъ получить выгоду, себѣ или своимъ; льстецъ, чтобъ снискать благосклонность лица, котораго подвиги прославляетъ; фантазеръ, покоряясь своему пѣтлическому расположенію; аббатъ рассказываетъ о чудесахъ своего монастыря, о правахъ, данныхъ ему такимъ-то герцогомъ, въ такой-то грамотѣ, о уваженіи къ нему такого-то маркграфа. Такимъ образомъ понимаю я нѣкоторыя мѣста въ Никоновскомъ спискѣ, Степенной книгѣ, Синописисѣ, понимаю древнія сказки объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Владимирѣ; такимъ образомъ понимаю я Саксона Грамматика, и другихъ баснословныхъ писателей. Но въ нашей древней лѣтописи, съ XI вѣка, когда лѣтописцы руководствовались уже не преданіями, а личными свѣдѣніями, нельзя совершенно приложить ни одного такого разсужденія. Что мы находимъ въ нихъ? Сухія, голыя, строчныя извѣстія. Наши монахи писали для себя, а не для публики; кого имъ было обманывать? Вотъ обстоятельство, на которое не обращаютъ вниманія; я, признаюсь, никакъ не могу понять, чтобъ эти монахи вставляли кое-гдѣ по простому незначительному словцу, не для чего другаго, какъ для удостовѣренія, что лѣтописи писаны не ими!! Это былъ бы обманъ чудесный, поддѣлка глубокая, достойная развѣ только нашего времени, которой нѣтъ подобной во всей исторической литературѣ. Почему въ IX, X, въ началѣ XI вѣка, нѣтъ такихъ личныхъ мѣстоименій? И что значать эти личные мѣстоименія? Мы не знаемъ даже именъ, мѣсто которыхъ поставлены сіи мѣстоименія: какое же здѣсь намѣреніе обманывать? Слѣдовательно всѣ сіи азы для насъ очень важны, и свидѣлствуютъ неопровержимо о современности описаній съ происшествіями“ (*).

Далѣе—авторъ указываетъ на хронологическую таблицу, на древность языка, драматическую форму первоначальнаго разсказа, на большее количество духовныхъ размышленій въ началѣ: все это показываетъ, что начало лѣтописи и ея дальнѣйшая часть принадлежатъ разнымъ авторамъ.

Послѣ этихъ разскааній и соображеній, авторъ заключаетъ: „Кажется довольно, слишкомъ довольно доказа-

(*) Погодинъ, Изслѣд., зам. и лекціи, III, стр. 35—38. 40—42.

тельствъ, что начало нашихъ лѣтописей писано по крайней мѣрѣ въ началѣ XII столѣтія. если не ранѣе, — доказательствъ разнообразныхъ и положительныхъ: примѣты перерыва, наружныя и внутреннія, указанія современности писателей съ лицами и происшествіями XI вѣка, мѣста указывающія на близость къ происшествіямъ, на живость преданія, языкъ, форма драматическая, характеръ содержанія, авторское искусство (*).

Но изслѣдователь недовольтуется этимъ: доказавши, что лѣтопись первоначальная лѣтопись составлена въ XI в., онъ затѣмъ хочетъ доказать, что лѣтопись и не могла быть сочинена иначе, какъ въ XI — началѣ XII вв.: Многія свѣдѣнія, сообщаемыя лѣтописью, такого рода, что могли принадлежать только современнику. Таковы свѣдѣнія о Варагахъ, о разселеніи славянскихъ племенъ, о племенахъ финскихъ; кромѣ того, — какъ могла явиться лѣтопись при бѣдствіяхъ монгольскаго нашествія? „Кому и гдѣ было думать тогда о сочиненіи лѣтописей?.. Своего времени некому было тогда описывать, — кто же могъ думать о древнемъ, давно-прошедшемъ?“ Указывая на невозможность позднѣйшаго составленія (въ вѣкѣ XIII—XIV) древней лѣтописи, Погodynъ продолжаетъ: „Какіе источники можно было имѣть не только для лѣтописи, но даже для сказокъ? Можно ли въ XIII или XIV вѣкѣ сочинить цѣлую генеалогію князей удѣльныхъ XI и XII вѣка, такую сложную (слишкомъ 300 лицъ) и правильную, — которая однакожь оправдывается многими свидѣтельствами, иностранными и отечественными, грамотами, приписками, предисловіями и послѣсловіями? Какъ можно было ихъ не перепутать? Какъ можно было выдумать такое множество войнъ междуусобныхъ, и для каждой приискать причину? Откуда можно было, не бывъ современникомъ, набрать погодно всѣ сія явленія кометъ, затмѣнія солнца, которыя рѣшительно подтверждаются лѣтописями Астрономіи? Какъ можно было означить дни происшествій XI вѣка, съ объясненіемъ, въ какой день недѣльный случилось то или другое происшествіе, какіе праздники приходились въ одинъ день, напр. Лазарево воскресенье или Благовѣщеніе

(*) Наслед., замѣч. и лекціи, стр. 46.

(въ 1111 году)? Какъ и откуда упомянуть б р а ж и, засвидѣствованные иностранными лѣтописями? означить д н и ро ж д е н і й и к о н ч и н ѣ, кои всѣ оказываются согласными между собою, со всѣми обстоятельствами? Какъ въ тысячахъ показаній нигдѣ не сбиться! Однимъ словомъ—только люди сумасшедшіе или безумные могутъ дѣлать такія нелѣпныя предположенія!“... (*)

Говоря о самомъ Несторѣ, Погодинъ приводитъ доказательства принадлежности ему древней русской лѣтописи. Доказательствами такими служатъ: а) имя Нестора на нѣкоторыхъ спискахъ (на Хлѣбниковскомъ, по свидѣтельству Карамзина, и на трехъ Татищевскихъ — Раскольниковѣ, Голицынскомъ и Юсифовскомъ, по свидѣтельству Татищева): оно указываетъ на существованіе въ письменности преданія о Несторѣ, какъ сочинителѣ лѣтописи. Имя это было, вѣроятно, вставлено уже послѣ, переписчиками; въ заглавіи самого подлинника имени автора безъ сомнѣнія не было: это было бы не согласно съ скромностью автора, не согласно съ обычаемъ. б) Свидѣтельство Поликарпа въ посланіи къ игум. Акидину. И показанія списковъ о сочиненіи лѣтописи именно Несторомъ, монахомъ киевпечерскимъ, сами по себѣ уже очень важны, достаточны, но они еще болѣе подтверждаются свидѣтельствами лицъ, близкихъ ко времени Нестора. Слова Поликарпа въ посланіи: „...якоже блаженный Несторъ въ лѣтописцѣ написа о преподобныхъ отцѣхъ, о Даміанѣ, Іереміи и Матѣѣ и Исаакіи...“ (жизніа этихъ святыхъ дѣйствительно находятся въ лѣтописи Нестора и въ томъ же самомъ порядкѣ) и потомъ вторичное упоминаніе Поликарпа о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, въ томъ же посланіи: „...Несторъ, иже написа лѣтописецъ“..., — ставятъ вопросъ о принадлежности древней русской лѣтописи Нестору—внѣ всякаго сомнѣнія (*).

Доказавши принадлежность древней лѣтописи Нестору, Погодинъ переходитъ къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ его лѣтопись? Авторъ приводитъ мнѣніе Шлецера и всѣхъ изслѣдователей лѣтописи Несторовой о ея

(*) Исслѣд., зам. и лекц., стр. 53—54.

(*) Исслѣд., зам. и лекц., стр. 61—69.

значительномъ искаженіи подъ перомъ переписчиковъ, и горячо возстаетъ противъ этого мнѣнія, стараясь доказать, что—„лѣтопись Нестора дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается происшествій и ихъ послѣдовательности,—лѣтопись дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, что касается до ея сущности“. Для доказательства, онъ указываетъ на сходство главнѣйшихъ списковъ въ начальномъ повѣствованіи до XII вѣка; всѣ извѣстія до XII в. во всѣхъ спискахъ идутъ въ одномъ порядкѣ и почти совершенно сходны: это доказываетъ — заключаетъ авторъ — что „всѣ сіи извѣстія принадлежатъ и подлиннику подлинниковъ, т. е. самому Нестору“⁽⁶⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ глава объ источникахъ Несторовой лѣтописи. Этими источниками, по мнѣнію автора, могли быть: 1) какія нибудь прежнія записки, церковныя или монастырскія, хронологическія отмѣтки и т. п. 2) Собственное удостовѣреніе; о событіяхъ, начиная съ 1078 по 1112 г., Несторъ могъ говорить, какъ современникъ и очевидецъ. 3) Извѣстія современниковъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаетъ самъ Несторъ. 4) Болгарскія лѣтописи или извѣстія; на этотъ источникъ, отмѣченный еще раньше бар. Розенкампомъ, изслѣдователь указываетъ, лишь въ видѣ „предположенія“. 5) Греческія лѣтописи; на источникъ этотъ лѣтописецъ и самъ не разъ ссылается,—на него было не разъ указываемо и нашими первыми изслѣдователями, задолго до Погодина. 6) Извѣстія Варяговъ; именно этимъ источникомъ, по мнѣнію автора, объясняется присутствіе въ нашей древней лѣтописи сказочнаго элемента, въ родѣ разсказовъ о колесахъ Олега, о его смерти, о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростень и т. д. Впрочемъ, отъ Варяговъ же могъ получить Несторъ и другія извѣстія, вполне достовѣрныя, напр. о племенахъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря, о пути „изъ Варягъ въ Греки“ и т. п. 7) Извѣстія отъ самихъ жителей и сосѣдей; Кіевъ, особенно послѣ введенія христіанства, былъ сборнымъ мѣстомъ, куда часто сходились

⁽⁶⁾ *Исвѣд., зам. и лекц.*, стр. 79—84.

жители странъ самыхъ отдаленныхъ: купцы, благочестивые странники и другіе подобныя случайные посѣтители могли приносить въ Кіевъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о странахъ самыхъ отдаленныхъ. 8) Вообще преданіе: въ народѣ безграмотномъ оно бываетъ гораздо живѣе, гдѣ въ грамотномъ. 9) Письменные документы, напр. *Договоры съ греками*, *Русская Правда* и мн. др. 10) Народныя пѣсни. „Если до нашего времени, замѣчаетъ изслѣдователь, дошли пѣсни съ ясными слѣдами времени языческаго (Дидь-Ладо, Дунай, Люли), то безъ всякаго сомнѣнія при Несторѣ, за 750 лѣтъ, было ихъ множество, и онѣ замѣняли самое преданіе“. Авторъ приводитъ слѣдующія слова Ш а ф а р и к а о народныхъ историческихъ пѣсняхъ вообще, и въ частности — славянскихъ племенъ: „Устная исторія каждаго великаго, самостоятельнаго народа, гораздо старше писанной. Такъ было у Грековъ, Римлянъ и Нѣмцевъ. Древняя исторія сихъ народовъ почти вся вята изъ народныхъ сказаній; у Нѣмцевъ народныя пѣсни съ незапамятныхъ временъ были сокровищницами отечественныхъ событій и подвиговъ. Отъ чего же однимъ Славянамъ — не имѣть никакихъ историческихъ пѣсенъ о дѣяніяхъ своихъ предковъ? Нѣтъ — они имѣли ихъ множество. Древніе памятники наполнены свѣдѣтельствами объ этомъ.... Изъ этого-то источника взялъ Несторъ сказанія о построеніи города Кіева, о походѣ Кіа на Царьградъ, о княженіи трехъ братьевъ и сестры ихъ Лыбеди, о прибытіи двухъ братьевъ, Радима и Вятка, отъ Лаховъ къ Руси, о насиліи Обровъ, и нѣкоторыя другія сказанія, носящія на себѣ очевидную печать народныхъ разсказовъ и повѣстей. Равнымъ образомъ отсюда же заимствовалъ онъ и сказанія о событіяхъ, гораздо старѣйшихъ, о пребываніи Славянъ на Дунаѣ, объ угнетеніи ихъ притѣснителями Влахами, и удаленіи оттуда славянскихъ старшинъ съ своими семействами за безопасныя Карпаты. Безъ сомнѣнія, имя притѣснителей и насильниковъ Влаховъ, въ древнѣйшихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ славянскихъ народовъ, такъ было употребительно, какъ въ позднѣйшихъ имя угнетателей Обровъ, выражавшихъ славянскихъ женъ въ свои телѣги, и въ нынѣшнихъ сербскихъ имя вровожадныхъ Турковъ“ (¹)...

(¹) *Исланд., зам. и лекц.*, стр. 89—108.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ своего изслѣдованія Погодинъ—подробнѣе останавливается на источникахъ Несторовой лѣтописи, разбивая ее на отдѣльныя части и извѣстія и указывая для тѣхъ и другихъ предполагаемый источникъ, отечественный или иностранный, письменный или устный; съ большей подробностью онъ останавливается при этомъ на баснословныхъ сказаніяхъ нашей древней лѣтописи, посвящая этому вопросу отдѣльную главу^(*). Въ заключеніе, изслѣдователь говоритъ *о достовѣрности извѣстій Несторовыхъ*,—указываетъ на согласіе лѣтописныхъ извѣстій съ другими современными свидѣтельствами, русскими и иностранными, на изложенныя въ ней свѣдѣнія географическія, наконецъ, на весь внутренній характеръ ея, который служитъ наиболѣе сильнымъ доказательствомъ ея подлинности.

Нечего говорить о важности труда Погодина. Его тщательныя фактическія изысканія почти сполна вошли въ позднѣйшіе труды; поправокъ было дѣлано не много.

Вызовъ Погодина былъ принятъ, хотя довольно слабо. Въ томъ же году, когда начали печататься первыя изслѣдованія его о Несторѣ,—появилась статья С. С к р о м п е п к о (С. Строева): *О недостоверности древней Русской Исторіи и о ложности мнѣнія, касательно древности Русскихъ лѣтописей* (Сынъ Отеч., 1834, ч. 46). Одно или два возраженія въ статьѣ были довольно существенны. Такъ, противъ мнѣнія Погодина, что начальная лѣтопись до 1110 г. написана была Несторомъ, авторъ статьи указываетъ на то, что до 1110 года три человека говорятъ о себѣ въ первомъ лицѣ: подъ 1096 Несторъ, подъ 1098 Василій, подъ 1110 Сильвестръ. „Отдѣльныя сочиненія, читаемъ въ статьѣ,—писанныя различными лицами и въ различныя времена, вносились, подъ извѣстными годами, въ сборники, извѣстные у насъ подъ именемъ лѣтописей,—большею частью безъ всякой перемѣны, со всѣми мѣстоименіями перваго лица: азъ, ми, мнѣ и проч. Теперь

^(*) Сказки въ Несторовой лѣтописи — Изслѣд., зам. и лекція, I, стр. 175—195.

спрашивается: можно ли посредствомъ этихъ *аа, ми, мнѣ*, опредѣлять время написанія какойнибудь лѣтописи, и означать имя ея сочинителя?.. Возраженіе было сильное, и Погодинъ въ послѣдствіи, разбирая статьи Скронненко, почти уступилъ ему.

Тогда же С. Скронненко написалъ и другую статью: „*О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей*“ (Сынъ Отеч., 1834), въ которой съ ироніей отзывается о высказанномъ Погодинымъ, вѣдѣ за Розенкампфомъ, предположеніи о существованіи болгарскихъ лѣтописей, которыя могли бы быть также—источникомъ нашей лѣтописи. „Къ стыду моему, говоритъ С. Скронненко,—до сихъ поръ я не зналъ, что существуютъ лѣтописи болгарскія, не зналъ, что и Болгары имѣли своихъ лѣтописцевъ. Сколько ни читалъ я книгъ историческихъ, но нигдѣ до сихъ поръ не случилось мнѣ найти о существованіи такихъ лѣтописей. Почему, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, я осмѣливаюсь просить г. Погодина объяснить мнѣ: когда появились болгарскія лѣтописи, по какой формѣ, гдѣ и въмѣ были писаны, и наконецъ, гдѣ нынѣ хранятся? Надѣюсь, что г. Погодинъ не откажетъ сообщить своихъ свѣдѣній о столь любопытномъ предметѣ“...

Въ своей третьей статьѣ: „*Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописи?*“ (Сынъ Отеч., 1835),—С. Скронненко, не дѣластъ новыхъ возраженій Погодину, и формулируетъ лишь взглядъ скептической школы на древнюю нашу лѣтопись; онъ здѣсь хотя повторяетъ свои прежнія возраженія,—видимо, однако, склоняется на доводы Погодины: „Замѣчу, пишетъ между прочимъ авторъ, что скептики нисколько не отвергаютъ, что Несторъ былъ лѣтописцемъ Кіево-Печерскаго монастыря, т. е. вѣль монастырскія записки; они утверждаютъ только, что Нестору не принадлежатъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи, составленныя гораздо позднѣе его, именно въ концѣ XIII ст. Что существовали монастырскія записки, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—потому что, признавъ даже Нестора за сочинителя нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей, спрашиваю,—какимъ образомъ могъ лѣтописецъ, жившій въ концѣ XI столѣтія, зпать годы рожденія и смерти великихъ князей X вѣка? Какимъ образомъ могъ бы онъ означать время

солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, если бы не имѣлъ подъ руками краткихъ монастырскихъ записокъ? Въ существованіи ихъ былъ убѣжденъ и Карамзинъ "... Давно бы такъ! — восклицаетъ Погодинъ, приводя это мѣсто въ своемъ критическомъ разборѣ статьи. „Монастырскія записки, продолжаетъ Скрамненко, должно отличать отъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей,—сборниковъ, заключающихъ въ себѣ болѣею частію историческія свѣдѣнія, простирающіяся не на одно какое нибудь княжество, а на всѣ; свѣдѣнія, приведенныя въ нѣкоторый родъ системы по образцу греческихъ временниковъ, — между тѣмъ какъ кругъ монастырскихъ записокъ былъ весьма тѣсенъ и ограничивался тѣмъ городомъ, (много-много княжествомъ), гдѣ находился монастырь, въ коемъ трудолюбивый монахъ велъ дневникъ главнѣйшихъ событій. Пришествіе въ обитель богомольцевъ, смерть благочестивыхъ иноковъ, любопытные случаи ихъ примѣрной жизни, перемѣны въ монастырѣ случавшіяся, нашествіе непріятелей на оный, рожденіе и смерть князей и т. п. — вотъ что вносилось въ монастырскія записки, изъ коихъ въ послѣдствіи составились сборники, извѣстные нынѣ намъ подъ именемъ лѣтописей“ (1)...

Возраженія С. Скрамненко, равно какъ и положенія всей скептической школы, были разобраны Погодинымъ въ особой обширной статьѣ, уже упоминавшейся нами: *О скептическомъ повѣтріи*, которою отчасти мы и пользуемся въ настоящемъ изложеніи. Въ хронологическомъ порядкѣ Погодинъ разбираетъ здѣсь важнѣйшія сочиненія представителей скептической школы, каждое отдѣльно, начиная съ собственныхъ сочиненій Каченовскаго и кончая сейчасъ указанными статьями Скрамненко. Въ своемъ разборѣ онъ болѣею частью ссылается на свои, уже изложенныя нами, изслѣдованія по этому вопросу. Такъ, противъ мнѣнія Каченовскаго, что о Несторѣ у насъ нѣтъ современныхъ извѣстій, что сочиненій его мы не знаемъ, что дошедшія до насъ русскія лѣтописи — составлены не извѣстно гдѣ, кѣмъ и когда, —

(1) С. Скрамненко, — Сынъ Отеч., 1835. Изслѣд., зам. и лекц., I, 435—436.

Погодинъ возражаетъ, указывая на свои предшествовавшія изысканія: „Посылки всѣ не вѣрны, ибо о Несторѣ имѣемъ близкія извѣстія; сочиненія его мы знаемъ; лѣтопись составлена въ Кіевѣ, въ началѣ XII столѣтія“... Въ другомъ мѣстѣ Погодинъ подробно останавливается на мнѣніи автора статьи: *О пользѣ изученія Россійской Исторіи въ связи съ Всеобщей*“, — о заимствованіи Несторомъ изъ западныхъ хроникъ, и справедливо возражаетъ ему: „Нѣтъ, не изъ лѣтописей западныхъ почерпалъ онъ эти свѣдѣнія, а изъ употребленія, — отъ Варяговъ, которымъ знакомы были всѣ Сѣверныя племена, — отъ Новгородцевъ, которые съ ними были въ сношеніи“... Разбирая далѣе одно изъ сочиненій представителей скептической школы, Погодинъ такъ формулируетъ свое разногласіе съ сторонниками этого направленія: „Все недоумѣніе автора и его товарищей происходитъ отъ того, что онъ смѣшиваетъ позднѣйшія лѣтописи съ началомъ лѣтописей. Къ позднѣйшимъ сборникамъ относится понятіе, какое они себѣ составили, а — не къ началу нашихъ лѣтописей, вездѣ одинакому, началу Несторову“⁽¹⁾.

Нѣсколько позднѣе Погодина выступилъ противъ скептиковъ П. Г. Бутковъ. Въ своей книгѣ: *„Оборона лѣтописи русской, Несторовой, отъ навета скептиковъ“*, Спб., 1840, онъ дѣлаетъ также подробный разборъ ихъ мнѣній. Хотя книга эта вышла послѣ первыхъ изслѣдованій о Несторѣ Погодина, тѣмъ не менѣе она была трудомъ вполне самостоятельнымъ. Ея авторъ, по словамъ самого Погодина, — „шелъ совершенно своимъ путемъ, дѣлалъ изслѣдованія съ своей точки зрѣнія, и представилъ доказательства своимъ собственнымъ, ему принадлежащимъ образомъ.... Мы сходимся — прибавляетъ онъ — только въ заключеніяхъ, прошедъ по разнымъ путямъ къ одной цѣли: убѣжденію въ подлинности, достовѣрности и древности Несторовой лѣтописи“.

Всѣ возраженія скептической школы Бутковъ сводитъ къ 12-ти пунктамъ, соотвѣтственно чему и книга его распадается на столько-же главъ. Мы остановимся только на

(1) Погодинъ, Изслѣд., зам. и лекціи, I, стр. 347. 370—376. 437.

нѣкоторыхъ, непосредственно относящихся къ вопросу о первоначальной лѣтописи.

Въ XI вѣкѣ—говорили скептики—въ Россіи не могло быть такихъ образованныхъ писателей, какимъ является нашъ древній лѣтописецъ. Это было ихъ любимымъ возраженіемъ. Мнѣніе скептиковъ о состояніи русской культуры въ XI вѣкѣ авторъ „Обороны“ разбираетъ въ I и VII гл. Россію XI вѣка скептики рисовали самыми мрачными красками; на тогдашнихъ русскихъ они смотрѣли, какъ на первобытныхъ дикарей, ссылаясь при этомъ частію на русскія лѣтописи, частію на источники арабскіе и византійскіе. На основаніи свидѣтельствъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, Бутковъ показываетъ односторонность, ошибочность, мнѣній своихъ противниковъ, и, на оборотъ,—доказываетъ, что Русскіе въ XI столѣтіи были даже гораздо образованнѣе, чѣмъ въ XIII или XIV столѣтіи, во время монгольскаго ига. Свои разсужденія авторъ заканчиваетъ словами Карамзина, которыми послѣдній рисуетъ положеніе Россіи въ XI вѣкѣ: „Утвержденная и въ христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она (Россія) имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, единодержавіе и свободу гражданскую“ (¹) .. Въ VII главѣ Бутковъ переходитъ къ самому Нестору и говоритъ о его образованіи. Глава эта самая интересная. Авторъ представляетъ очеркъ русскаго просвѣщенія въ XI—XII вв. и указываетъ на тѣ средства, съ помощью которыхъ Несторъ могъ получить свое образованіе: Кіевъ въ XI вѣкѣ заключалъ въ себѣ болѣе 300 церквей; при каждой изъ этихъ церквей было по крайней мѣрѣ по одному грамотному священнику. Кромѣ того, уже въ 1013 г. въ Кіевѣ было нѣсколько монастырей. Наконецъ, тогда же являются здѣсь и первыя училища. Еще Владимиръ Св. завелъ училище въ Кіевѣ (въ концѣ X в.); сынъ его, Ярославъ устроилъ такое же училище въ Новгородѣ (въ 1010—1016); изъ „житія“ пр. Θεодосія можно видѣть, что и по другимъ городамъ, въ особенности, гдѣ имѣли пребываніе епископы, въ это время также существовали начальныя народныя школы. Всѣхъ этихъ средствъ было

(¹) Буткова, Оборона лѣтописи русской, Спб., 1840, стр. 28.

вполнѣ достаточно для полученія образованія Нестору. Впрочемъ, послѣдній вовсе не былъ въ этомъ отношеніи какимъ-либо исключеніемъ: такимъ же образованіемъ владѣли и другіе многіе его современники. Это доказываютъ дошедшія до насъ сочиненія Луки Жидиты (1036—1060), Освдосія Петерскаго († 1074), Игумена Даниила, Владимира Мономаха († 1125) и мн. др... Переходя непосредственно къ лѣтописному труду Нестора, изслѣдователь продолжаетъ: „Мысль къ дѣянію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ братьями своими о происшествіяхъ российскихъ... Предпринявъ составить Временникъ Русскій по примѣру хроникъ византійскихъ, Несторъ поступилъ такъ, какъ бы и всякой другой, столько же благоразумный, сдѣлавъ на его мѣстѣ: для первыхъ вѣковъ отъ выписки изъ греческихъ книгъ и записокъ, болѣею частію слово въ слово, все что могъ отыскать въ нихъ относящееся до нашего государства въ связи съ сосѣдними Дунайскими, Болгарскими и Угорскими; присовокупилъ къ тому немногословныя домашнія преданія о важнѣйшихъ событіяхъ, сохранявшіяся въ памяти народа, переходившія отъ отца къ сыну, подобно пѣснямъ, пословицамъ, сказкамъ; внесъ въ свою лѣтопись списки съ мирныхъ договоровъ Олгова, Игоря и Святослава; включилъ отечественныя повѣсти о мщеніи Ольги Древлянамъ, о крещеніи ея въ Царѣградѣ, и греческую легенду о принатіи Владимиромъ вѣры христіанской, о такихъ дѣяніяхъ, которыя въ Іоанновскомъ отрывкѣ изображены въ чистой наготѣ; о происшествіяхъ же къ вѣку своему ближайшихъ Несторъ писалъ со словъ современниковъ, — не признавъ однако нужнымъ увеличивать страницъ своего Временника Правдою Русскою и Уставами Владимира и Ярослава о судахъ церковныхъ, безъ сомнѣнія потому, что это были законы, тогда дѣйствовавшіе и всѣмъ извѣстные въ Россіи. Нѣтъ спора, что Нестору не все и не вполнѣ было извѣстно достойное Исторіи, намъ же случившееся вдалекѣ отъ Кіева и за-долго прежде: это видно изъ лѣтописяхъ Новгородской и Псковской, содержащихъ мѣстныя дѣянія въ X и XI столѣтіи, не упомянутыя въ Несторовомъ Временникѣ, такъ въ исторической части Поученія Мономахова и въ другихъ удѣльных древнихъ памятникахъ российскихъ. Несторъ пред-

положилъ обнять лѣтописью своею пространство времени съ пришествія къ Дунаю Гунно-Влаковъ до своихъ дней, и приступилъ къ работѣ послѣ долгихъ приготовленій, по видимому, уже въ 88-лѣтнемъ возрастѣ, въ правленіе великаго князя Кіевскаго Святополка—Михаила, начавшееся въ 1093 и кончившееся въ 1113 году. Границы лѣточислительнаго круга труда своего Несторъ самъ опредѣляетъ слѣдующими словами: „Въ лѣто 6360 (852) наченшу Михаилу (императору) царствовать, начася прозывать Руская земля... Тѣмъ же отселѣ начнемъ и числа положити“. Далѣе, обозначивъ годы княженій въ Кіевѣ Олегова, Игорева, Святославова, Ярополкова, Владимірова, Ярославова, и сказавъ, что отъ смерти Ярослава до кончины Святополка (Михаила) протекло 60 лѣтъ, въ заключеніе сей росписи Несторъ написалъ: „но мы на прежнее возвратимся, и скажемъ, что ся удѣля въ лѣта си (852—1113), явоще прежде почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ (императоромъ), а по ряду положити числа“. Такая роспись княженій, превращающаяся именемъ Святополка-Михаила, находится въ старѣйшихъ спискахъ Несторова Временника—Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Софійскомъ и др.; въ прочихъ она распространена до дней своихъ переписчиковъ: въ иныхъ по 1203 годъ, до греческихъ императоровъ Александра и Исакія, въ иныхъ гораздо дальше. А какъ Несторъ не внесъ въ свой Временникъ имени преемника Святополкова Владиміра Мономаха; въ изображеніи обычаевъ народныхъ не упомянулъ о Монголахъ, явившихся на предѣлахъ Россійскихъ въ 1224 году, но тожко о Половцахъ, показавшихся у границъ нашихъ въ 1061 году, сказавъ о семъ народѣ: „явоще и при нисъ нымъ Половцы законъ (вѣру) отецъ своихъ держать“; писалъ когда Вятичи продолжали еще сожигать своихъ жертвъ до обращенія своего въ христіанство св. Кукушею, въ началѣ XII вѣка; былъ на свѣтѣ въ 1103 году, при сопричисленіи къ лику святыхъ Θεодосія и при посвященіи Кіево-Печерскаго игумена Θεоктиста во епископа Черниговскаго, 12 января 1112 года, о чемъ Несторъ говоритъ въ повѣсти своей о житіи Θεодосіевомъ; а отдѣльную похвѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ кончилъ, не доведши ея до перенесенія мощей сихъ страстотерпцевъ, 2 мая 1115 г., въ новопостроенную каменъ Ольгомъ Святославичемъ каменную, во имя ихъ, Вышегородскую церковь,—слѣдователь-

но можно принять за истину, что Несторъ прекратилъ лѣтопись свою, какъ предварительно заявилъ въ росписи князей, въ 1113 году, съ кончиною Святополка — Михаила, на 58 году своей жизни. Это подтверждается даже и тѣмъ обстоятельствомъ, что по сличеніи списковъ Лаврентьевскаго и Ипатьевского, начинается оказываться между ними разность точно съ 1113 года. Съ того самаго времени въ одномъ уже сокращенно помѣщены происшествія Россіи южной, какъ въ другомъ — сѣверовосточной. Первый продолжатель Ипатьевского или Кіевского списка самъ приходилъ въ Ладогу въ 1114 году. Еслибъ это былъ Несторъ, то слыша отъ ладожанъ, что между ими есть люди старыя, которые ходили за Самоядь и за Югру, конечно не оставилъ бы припомнить рассказъ о сихъ странахъ Юрія Тогоровича, слышанный имъ въ 1092 году. Намъ кажется, что Хроникъ Несторовой, при жизни его, едва ли дана была и огласка: ибо в. в. Святополку — Михаилу и другимъ князьямъ, Несторовымъ современникамъ, безъ сомнѣнія, не было бы пріятно читать тамъ на себя укоризны^а (1).

Скептики доказывали также что у Нестора не могло быть и средствъ для составленія лѣтописи, не могло быть въ рукахъ матеріала, необходимаго для составленія государственной лѣтописи. Разбору этого возраженія Бутковъ посвящаетъ X главу своей книги, подробно указывая въ ней на тѣ источники, которыми вполне свободно могъ пользоваться Несторъ. Таковыми вполне доступными источниками для него были:

а) Свѣжія преданія монаховъ Печерскаго монастыря, собиравшихся сюда изъ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ мѣстностей: „Игум. Антоній, который, родясь въ Любечѣ въ 983 г., въ молодыхъ лѣтахъ своихъ отправился въ Грецію, принялъ монашество на горѣ Аѳонской, и тамъ, безъ сомнѣнія, обучился греческому языку; возвращался въ Кіевъ въ 1013; отходилъ снова на Аѳонъ въ 1015; опять прибылъ въ Кіевъ въ 1017 г.; удалился въ 1069 на нѣкоторое время въ Черниговъ, по гнѣву на него

(1) Бутковъ, Оборона лѣт. рус., стр. 172—176.

кита, находившіяся до 1078 г. во инокахъ печерскихъ, а потомъ, до 1108, епископомъ Новгородскимъ, — о Новѣгородѣ; Прохоръ, инокъ въ 1097 году, — о Смоленскѣ, своей отчинѣ; и Николай Давидовичъ Святоша, князь Черниговскій, постригшійся во иноки въ 1106, и проведеншій во обители Печерской многіе годы до своей смерти, — о сѣверскомъ княжествѣ и о разныхъ происшествіяхъ гражданскихъ... Всѣ сіи и многіе другіе иноки обители Печерской могли положить въ Несторовъ Временникъ посильное приношеніе“...

б) Свѣдѣнія, которые могли приноситься епископами, собиравшимися не разъ при жизни Нестора въ Кіевѣ (напр. въ 1089, 1091 гг.).

в) Разсказы современниковъ-боляръ, вроде Яна Вышаты; такіе же свѣдѣнія могли сообщить и самыя князья и аристократы варяжскіе выходцы, какъ варягъ Шимонъ.

г). Наконецъ, какъ извѣстно, игумены Печерскаго монастыря нерѣдко принимали непосредственное участіе въ современныхъ общественныхъ дѣлахъ; извѣстны близкія и постоянныя сношенія Антонія, Θεодосія, Никона и др. игуменовъ Кіево-Печерской лавры съ современными русскими князьями. Извѣстно также, что передъ походами, а иногда и по окончаніи, Кіевскіе князья и бояре обыкновенно заходили для молитвы въ Печерскій монастырь... „При этихъ случаяхъ Нестору открывалось удобство узнавать и причины походовъ и самый ходъ дѣйствій... Въ изображеніи войнъ 1078, 1093, 1096, 1103 и 1111 гг. — представляетъ изслѣдователь — находятся подробности, подающія собою удостовѣреніе, что онѣ доставлены Нестору участниками походовъ, и даже въ видѣ дневныхъ записокъ“^(*)...

Таковы были наиболѣе существенныя добавленія, со стороны книги Буткова, къ возраженіямъ Погодина — „на укоризны, наводимыя на лѣтопись русскую, Несторову“, со стороны „скептиковъ“, — направлявшихъ „всѣ свои разсужденія, розысканія, лекціи, мысли, мнѣнія, призываки, подъ завѣсою высшей критики и подъ предлогомъ уясненія пер-

(*) Бутковъ, *Оборота лѣтоп. рус.*, стр. 198—201. 205—207.

ваго періода Історіи Россійской, прямо въ уничиженію достоинства древняго нашего лѣтописца“⁽³⁾...

Временное „уничиженіе древняго нашего лѣтописца“ и „укоризны, вводимыя на лѣтопись русскую“, — не пропали однако даромъ: крайнія мнѣнія скептиковъ вызвали болѣе тщательное обслѣдованіе вопроса и способствовали болѣе строгой научной его разработкѣ. Въ этомъ — ихъ главная историческая заслуга. Подобная заслуга остается и за всѣми другими, изложенными нами, трудами по изученію нашей начальной лѣтописи, — начиная съ первыхъ мнѣній Татищева и кончая широкой научной постановкой вопроса въ изслѣдованіяхъ Погодина и Буткова. Идя шагъ за шагомъ въ разъясненіи первыхъ страницъ нашей исторіографіи и исторіи, эти первые труды общюю своею массою дали прочную научную почву для окончательныхъ изученій вопроса въ позднѣйшихъ трудахъ — Сухомлинова, Срезневскаго, Костомарова, Соловьева, Бестужева-Рюмина и др.

Симбирскъ.

1878 г.

(3) Бутковъ, *Оборона лѣтоп. рус.*, предисл., стр. 11.

(4) Подробный перечень печатныхъ изданій нашихъ лѣтописей, начиная съ самыхъ первыхъ изданій въ прошломъ столѣтіи и кончая первыми томами «Полн. Собр. Рус. Лѣт.», — съ обширными библиографическими описаніями каждаго, сдѣланъ въ статьѣ Д. Полѣнова: *Библиографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей*. Журн. Мин. Нар. Просв., 1849, ч. LXIV, стр. 31—179. Описаніе самыхъ списковъ, въ которыхъ дошли до насъ наши лѣтописи — въ первый разъ и съ наибольшей подробностью представлено Ивановымъ: *Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библиотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ*. Уч. Зап. Каз. Унив., 1843, ч. II—III, стр. 1—57. См. также его: *Общее понятіе о хронографіи и описаніе некоторыхъ списковъ изъ, хранящихся въ библиотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ*. — ib., стр. 58—396.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Татищевъ	1.
II. Миллеръ	10.
III. Шлецеръ	15.
IV. Карамзинъ	26.
V. Строевъ и Розенкамфъ	28.
VI. Скептическая школа: Качеповскій и его по- слѣдователи; противники ея: Погодинъ и Бутковъ	36.

~~~~~

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

ALBINO
V. G. B. B. B.
P. A. A. A.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Иллъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Русі. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности. Казань. 1883.

Древне-славянское Евангеліе, принадлежащее Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи при Каз. Университетѣ. Воронежъ. 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань. 1884.

XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб. 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1884.

Свв. Кириллъ и Меодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань. 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: „Свв. Кириллъ и Меодій“ и пр. Библиографическія замѣтки. Казань. 1885.

Цвѣтушій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ. 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1886.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the rules of the Library or by special arrangement with the Librarian in charge.

[illegible]

891.7

Arkhangel'skiĭ

Ar48

891.7

Ar48

